

*И не погаснет то,
что раз в душе зажглось...*

*Междуреченская информационная библиотечная система
Центральная городская библиотека*

***И не погаснет то,
что раз в душе зажглось...***

Междуреченск - 2008

ББК 84(2Рос=Рус)6
И 11

Автор-составитель: Першина Г.Л., библиотекарь читального зала ЦГБ МИБС

Редактор: Першина Г.Л., библиотекарь читального зала ЦГБ МИБС

Компьютерная верстка и дизайн: Горяевчева В.В., программист МИБС,
Дрепина С.Н., библиотекарь МИБС

И не погаснет то, что раз в душе зажглось: сборник поэзии. – 2-е изд. перераб.
и доп. – Междуреченск: МИБС, ЦГБ, 2008. – 124с.

©МАКЕТ, Междуреченская информационная библиотечная система.
При использовании материалов ссылка на сборник обязательна.

Этот юбилейный сборник творчества библиотечных работников МИБС г. Междуреченска посвящён 50-летию центральной городской библиотеки и центральной детской библиотеки.

Поэзия не умеет лгать. Стихи – это чувства, эмоции, мысли, переложённые на бумагу, выплеснутые из глубин души и сердца. Здесь боль и отчаяние, восторг и любовь, нежность и восхищение, надежда и разочарование.

Даже несовершенные стихи – это творческие муки и страдания личности, пытающейся выразить через необыкновенную музыку рифмы и слова, через образы русской природы то, что неудержимо рвётся из сердца, ищет выхода в поэтической форме.

В каждом человеке горит Божья искра и «пусть не погаснет то, что раз в душе зажглось», как сказал поэт В. Соловьёв, чьи слова легли в название этого юбилейного сборника.

Пусть не погаснет то, что раз в душе зажглось...

Г. Першина

БЛАГОДАРЬЕВА

Татьяна

Родилась в городе Вичуга Ивановской области, 3 ноября 1956года. С 1961 года жила в городе Междуреченске. Закончила КемГАКИ. Работала в центральной городской библиотеке с 1978 года.

Печаталась в газете “Знамя шахтёра”, “Контакт”, в журнале “ПОЛИФОН”.

50-летию ЦГБ

Лет 50 тому назад
Открылся книжный терем,
Спешил сюда и стар и млад
Не закрывались двери.
Здесь книги выстроились в ряд,
На стеллажах и полках,
Вольтер, Дидро, Монтень, Сократ
Судачат втихомолку.
Сюда за знаньями спешат
И томик открывают,
Здесь мудрости народной клад
И бьётся мысль живая.
Встречая славный юбилей,
Успеха всем и счастья!
Источник творческих идей
Вовек бы не кончался.

Девчонки гадают о суженом,
В зеркало смотрят, смеясь.
Сплетаются тени в кружево,
С миром нарушена связь.

Ждут, что из мрака туманного,
Через миры и века,
Увидят лицо желанного,
Любимого – наверняка.

Я так долго любовь искала,
Обошла все дороги земли,
Жизнь немало со мной играла,
Предлагая подобье любви.
Замирала душа счастливо,
Мне казалось, пришла любовь,
Но она проходила мимо
И опять уходила в ночь.
А когда я ждать перестала,
Не надеясь, не веря вновь,
Своё счастье я повстречала,
Повстречала свою любовь.

Глухариными тропами
Я по лесу пройду.
Что-то там напророчили:
Счастье или беду?

Руки тёплые, смелые
Обнимают меня,
И хожу очумелая
Я средь белого дня.

Лаской пылкою, огненной
Ты меня покори.
Жарко, нежно так обнял ты
И так страстно любил.

Без оглядки, без усталы
Вслед пошла за тобой,
За своею счастливою
Иль несчастной звездой.

Счастье

Самая счастливая на свете
Я лечу, витая в облаках.
Как же я прошла и не заметила
Журавля в твоих родных руках.

Говорят, что лучше бы синицу
Я держала, позабыв о том,
Счёт пошёл, и стаи вереницей
Пронеслись на небе голубом.

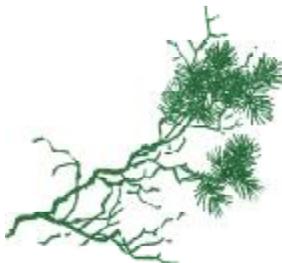

Счастье льётся через край,
Уходить не хочет.
Сердце говорит: “Прощай”
Днём и тёмной ночью.
Кто теперь откроет дверь
Радости и вере?
Ключик счастья золотой
От любви потеряян.

Моей любви натянутые нервы,
Не выдержав, порвутся невзначай.
Ты был тогда единственным и первым,
Сумевшим разделить мою печаль.
Забыть не в силах ласковые руки,
Волнующий так сердце нежный взгляд,
Мучительные, долгие разлуки
Для нас с тобой о многом говорят.

Всё плыло в дымке голубой,
Искрилось, весело играло.
Мне было так легко с тобой,
От счастья сердце замирало.

Давно ушёл уже тот миг,
Исчез, и словно не бывало.
Кто цену истины постиг,
Тот в жизни приобрёл немало.

Срывая кисть рябины горькой,
Скрываю горечь жизни я.
Мне было сладко, было больно
Любить и потерять тебя.

Молчала трубка телефона.
Всё в жизни потеряло смысл...
До боли, до глухого стона
Тревожная забила мысль.

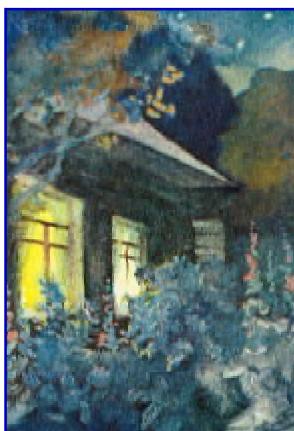
Томила в ожиданье чуда,
Напрасно верила, ждала.
И лишь камней разбитых груда
Да в горстке от костра зола.

С самого рожденья человеку
Было предназначено судьбой
Жить, бороться до скончания века,
Умирать и снова рваться в бой...

Вечерние думы

Стоя у вечернего окна,
Думу думая, я горько сожалею,
Почему сегодня я одна,
Может мне быть чуточку смелее?

Яркий образ в тишине возник
И душа от счастья замирает.
Где ж ты, мой живительный родник,
Что струится радостно играя?

Томь зовётся “тёмною рекою”,
И она струится меж камней.
Летнею вечернею порою
Бриллианты брызг сверкают в ней.

Рассыпаясь ярким звездопадом,
Проливаясь золотым дождём,
Змейкой серебристой извиваясь,
Изумруды в ней сверкают днём.

Тёмный малахит тайги зелёной
Всю её от бури заслонил,
Бирюзовой, неба, синевою
От беды голубушку укрыл.

Котёнок

На свет появился котёнок смешной,
Огромные ушки и хвостик трубой,
Игривый котёнок
Так ласково спит.
Как малый ребёнок,
В подушку сопит.
Он знает, что рядом родной человек
Его не предаст, не изменит вовек.

Прошла февральская метель,
Душа поёт, весна настала,
Звенит весенняя капель,
Низвергнув зиму с пьедестала.

Жарки

На поляне за лесом
Огоньки расцвели.
Наклонили головки
До самой земли.

Светом ярким горят
У цветов лепестки.
И спасут, говорят,
От любви и тоски.

Из лунной дорожки,
В мерцании звёзд,
Построю я в вечность
Искрящийся мост.

Планетам другим понесу я привет,
Чтоб не было больше ни войн и ни бед.

А если в пути захочу отдохнуть –
На Альфа Центавра смогу заглянуть.

А жажду свою утолю не спеша,
Напьюсь у Медведицы я из ковша.

Венера откроет объятия свои,
С ней побеседую я до зари.

На крыльях любви полечу вновь к Земле,
В космической дали, в сияющей мгле.

По траве нескошенной,
по траве
Пробежать бы босою
на заре!
Окунуться в утреннюю
росу,
Возвратить бы девичью
вновь красу!

Щемящее чувство боли
Сердце сжимает в тиски.
Такая уж бабья доля,
Быть сильной, судьбе вопреки.

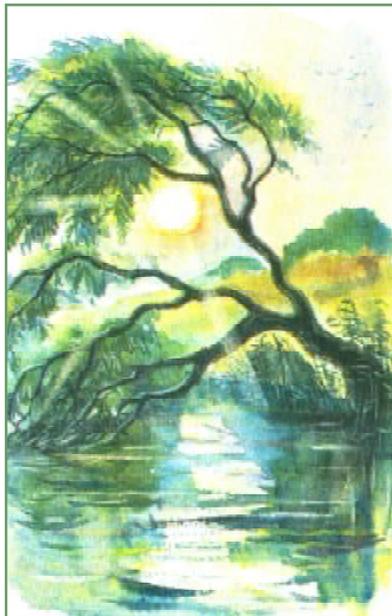
Не хныкать и не сдаваться,
И слёз понапрасну не лить, –
Уметь от души смеяться
И жизнь до конца любить.

У родного порога
Играет волна,
Вьётся в поле дорога,
Тайн, загадок полна.

Убежать бы по ней
Далеко-далеко,
И вернуться бы нам
Снова в детство своё.

Где всё было так просто,
Легко, без забот,
И казалось, что детство
Никогда не пройдёт.

Что скачки и классики
Будут всегда...
Только детство закончилось,
Вот в чём беда.

К ЮБИЛЕЮ ГОРОДА
Посвящается родному городу

Встаёт над городом заря
В хрустальных блёстках января,
Медовый солнечный рассвет
Шлёт Междуреченску привет.

Шумит зелёная тайга,
Медведи бродят, и снега
Ещё лежат на склонах гор,
Зелёный, заслонив, ковёр.

Снега сойдут, растает лёд,
Пройдёт весенний снегоход,
Вернётся солнечное лето,
Всё озарится ярким светом.

Придёт желанная пора:
Купанье с ночи до утра,
Зажжём костры, уйдём в походы,
Соединимся вновь с природой.

В душе поёт, не умолкая,
Та соловьиная свирель,
Звенит весенняя капель,
На солнце радужно играя.
Идёт, спешит за годом год,
И сердце бьётся так тревожно.
Прожить хотелось без забот,
Но это просто невозможно.

О войне написано немало
Повестей, рассказов и стихов.
Я на той войне не побывала,
Знаю по рассказам лишь отцов.

Зарево над городом вставало,
Был рассвет так сладок, словно дым,
Но уже Германия напала
На страну под небом голубым.

Весь удар нацелен был по Бресту,
Продвигались дальше вглубь страны,
Не найти сейчас такого места,
Где б не вспоминали той войны.

Гибли молодые наши мальчики
В первом же, горячем бою,
Умирали солнечные зайчики,
Заслоня неба синеву.

Взрывы бомб, раскаты канонады
Эхом по России пронеслись.
До сих пор взрываются снаряды
Там, где нынче мирной станет жизнь.

Опалённое войной осталось детство
Наших матерей, сестёр, отцов.
Память прошлых лет осталась нам в наследство
Из далёкой дали, глубины веков.

Тихо закрылась дверь,
Ночь отступила в тень,
В счастье своё поверь:
Снова настанет день.

Зазеленеет листва,
И расцветут цветы.
Если любовь жива,
Будешь жива и ты.

9 августа не стало с нами Татьяны Борисовны Благодарьевой, нашей коллеги, с которой долгие годы проработали многие из нас. Не стало очень скромного, талантливое, доброго человека. Для читателей Татьяна Борисовна была просто незаменимым библиотекарем: поднимет все источники, но нужную информацию найдёт. В свой юношеский уголок она вкладывала свою душу, своё творчество. Татьяна Борисовна не дожидала до своего 50-летнего юбилея два месяца. Мы не успели сказать ей всё то доброе, хорошее о ней.

Не успели... Опоздали... Пусть стихи Татьяны Борисовны напомнят нам её влюблённой и нежной.

БОГДАНОВА

Светлана

Родилась в 1951 г. в Алтайском крае. В Междуреченск приехала в 1979 г.

Работала в Центральной городской библиотеке, была хозяйкой литературно-музыкальной гостиной.

Публиковалась в местной прессе, в альманахе “Полифон”, в сборнике “Палитра образов и красок” г. Кемерово, в журнале “Огни Кузбасса”, в сборнике “Междуреченск: поэзия и графика”, в книге “Город между Томью и Усой”. Сейчас живет в Новокузнецке.

Моей Шории

Вновь луною сонный мир расцвечен,
И дрожащие листвою осины
Оживили темные картины,
Серебро рассеивая в вечность.

Там, в тайге на сонных полустанках
Горы, словно тайные сказанья,
Стерегут старинные созданья
В черноглазых угольных останках.

Путь не вечен, в дебрях шорских песен
Зов кедровника и заповедный лес.
Мир не тесен, мир совсем не тесен,
И огонь священный не исчез.

Зачем позвал меня ты в этот мир,
Где нет ни грусти, и ни одиночества,
Где не кривляется луна – ночной сатир
Над муками моей бессонницы.
Но этот мир так краток,
Словно миг,
И как вселенная – велик.

Алкашу

Опомнись, храпящий на ложе помятом,
Что видится пьяной твоей голове.
Мелькают невнятные кадры из снятой,
Нелепой картины с тобой во главе.

Ты главный герой на разбитой дороге,
Идешь по колено в дорожной грязи,
Где можно хватаешь попутные дроги,
Мол, ладно, давай, на халяву вези.

Где дети, где жены? Обмякшие члены
Тряпьем полинялым пугают ворон.
«Мы – пьяны, мы – правы, мы – вечная пена»
Похмелье – проблема, а жизнь – это сон.

Рассвет

Окно открыто, запах лета
Сквозит по комнате, плутая в полусне,
И отраженье сонного рассвета
Умножит зеркало на маленьком столе.

Часы тихонько тикают, минуты
Стремятся срок волшебный уловить.
Мы спим, и двери в мир еще закрыты,
Но утро уж спешит нас пробудить.

Июнь в Междуреченске

Июнь в изгибах солнечной реки,
На камешках теплынь его и свежесть,
Как междуреченские вечера легки,
И тихо дышит в них любовь и нежность.

Там, в тишине, в низине между гор
Теплом пронизан солнечный простор,
И кажется, что весны всей земли
Сюда цветы свои перенесли.

Иной

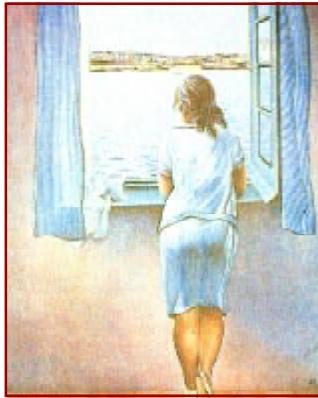
Мурашек маленький
Ползет по белой глади
Моей тетради,
Скользящей капелькой.

Он мал. И он иной,
Иной весны носитель,
Сегодня он со мной,
Беспечен, беззащитен.

... раскрытая тетрадь –
Случайная планета.
Пытаемся понять,
Кто мы в пространстве
Этом.

Стою задумавшись,
О чем, сама не знаю.
За миг короткий
В памяти моей
Мелькнут мгновенья,
Будни освещая
И озаря лучшие
Из дней.

Стою задумавшись,
За миг короткий
Успею отдохнуть и угадать,
Куда плыву я
В этой ветхой лодке,
И что еще мне
Предстоит понять.

Усть-Чумыш

Старенький домик с заплаткой на крыше,
Сушатся сеть, сапоги,
А за дорогой все тише и тише
Шелест знакомой реки.

Мягкой травой зарос тихий двор,
Курит заезжий рыбак,
Над огородами – синий простор,
Солнца расплывчатый знак.

Изредка вскинет песчаную пыль
Старый лихой грузовик,
И у ограды зеленая былль
Жгучей листвою прозвенит.

Ты ушел, но остался твой гений,
Твой фантом, он со мною сейчас,
И попытки убогих творений –
Мой, тобою завещанный час.

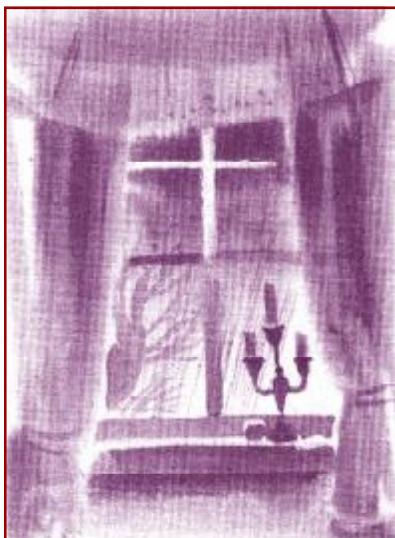
Ты ушел, возвращаться не надо,
Все, что было, забудет мой дом,
Память глупая легкой отградой
Вдруг напомнит – мы люди, живем.

А законы житейские, что же?
Жизнь, она теперь вдвое дороже

Айва - плод южного творенья,
Похож на яблоко и кожица желта,
В пушистом нежном обрамленье,
Но плоть его тверда.

Над крышей туча.
Дождь вот-вот начнется,
Трепещет на балконе простыня,
Ушел и больше не вернется

Простой и тихий шелест дня.
И дождь уже другой пройдет,
Настанет вечер,
Белье хозяйка снимет не спеша,
Зажжет природа звезды – свечи,
И ночь, прохладой дыша,
Наступит вновь

Душа легка и тело невесомо,
Расчерчена последняя страница,
От края пропасти до дедовского дома –
Аэродром для белой птицы.

Мысль хлопает огромными крылами,
Бьет больно в лоб и у виска звенит,
Бумаги лист неровными стихами
Уносится в безоблачный зенит.

В ветвях – аортах человечьи лица,
Стекает с листьев ветреный рассвет,
Настанет день и солнечною птицей
Взнесется свет.

Весеннее

Багряным соком светится тальник
В лучах веселого вечернего заката,
И птичий, переливчатый язык
Сливается с весенним звоном сада.

Ручей хранит в прозрачном лоне дна
Меж зимнею и летнею дорогой
Обрядовую песнь. Поет весна
Высокой чистотою слога.

Упаду росую в синюю траву,
Каплю искристой на траве замру,
Высплюсь в летнем звоне,
Сон иль явь во мне?
И простор зеленый колесит в траве.

Подойдешь, веселый, о любви споешь,
Синью околдован, рядышком замрешь,
Травы, ветер, солнце – просто и светло,
Выпью все до донца летнее тепло.

Хмель

Увиты хмелем дикие кусты,
И на поверхности зеленого массива
Медовые душистые цветы
Как исправление неверного курсива.

И отдавая пряный запах пчел
Нелепым награждениям ветвистым,
Он вместе с ними вдохновенно цвел
В болотистом краю тенистом.

Стоишь со мной –
Чужой, спокойный,
А я взволнованна, бледна,
В моей груди-
трепещет солнце,
В твоей –
холодная луна.
Я день, в котором
блекнут звезды,
И ночь без звезд –
мои мечты,
Вечерний сумрак осторожно
Вздохнет и
разведет мосты.

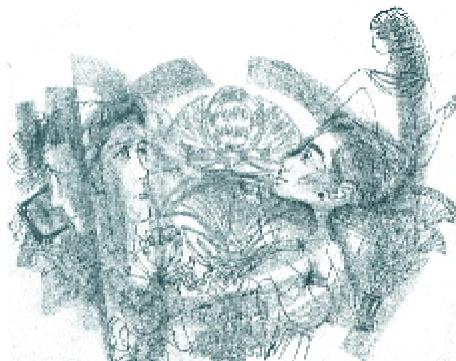
Износились мои кофточки,
Разболелись мои косточки,
Я заплатки ярко-красные
Понашью на швы распластанные,
Молодухою-старухою
Закружусь с листвою жухлою,
С развеселой непогодой
Разделю свои я годы.

Венок любви

Я вытерплю еще одно предательство
Судьбы своей и верности твоей,
Поверю, что, возможно, все наладится,
И станет жизнь ко мне добрей.

Повязку с глаз своих срывать
я не спешила,
Не веря предсказаниям судьбы,
По роковому кругу колесила
Твоих проклятий и твоей мольбы.

Проходит жизнь. Венок противоречий,
Сплетенный мною и тобой,
Я возложу любви, поставлю свечи,
Да здравствует покой!

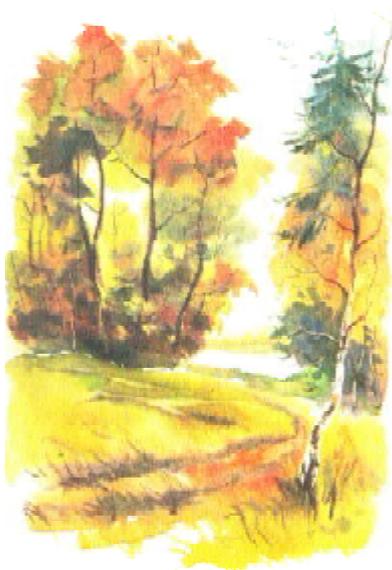
Осень

Здравствуй, осень, подруга моя дорогая,
Я как прежде плутаю в твоих золоченых лесах,
И плоды твои, осень, и листья твои собираю,
И осенние нити блистают в моих волосах.

Осень, осень, подруга моя ненаглядная,
Ты пришла и подарки свои принесла,
Сколько весен прошло, стала я уж совсем неприглядная,
Но сажала, растила и тебя, моя осень, ждала.

Что же ты принесла мне разбитый и мною же склеенный,
Тот кувшин и тигровые лилии в нем,
Но вода утекла сквозь забытые мною расщелины,
И цветы отпылала когда-то прекрасным огнем.

Пусть все будет как есть, пусть не склеилось что-то,
не сладилось,
И тигровые лилии вечно не могут цвести,
Мы с тобою вдвоем, помнишь, осень,
как нам это нравилось,
И за грусть мою, осень, за тихие слезы прости.

Дочери

Каждый день ты уходишь с рассветом,
Раздвигая фигуркою ветер,
Моя девочка, часть рассвета,
Моя клеточка в мире этом.

У тебя в этой жизни проблемы
Посложнее любых уравнений,
Впереди нераскрытые темы.
А в любви нет готовых решений –

Абсолютная мера энергий,
И борьба за жизнь – преступление,
Достоевский с его поэтикой
И поэтика приключений.

Мир наивен иль мы наивны,
Умирают Базаровы – гении,
Ну а функции непрерывны
В самых высших своих значениях.

Март. И снег уже вроде тает
По законам великой природы,
И в потерях приобретают
Наши дети свой жизненный опыт.

Каждый день ты уходишь с рассветом,
Раздвигая фигуркою ветер,
Моя девочка – часть рассвета,
Моя клеточка в мире этом.

Нике Самофракийской

История спешит своей дорогой,
С обочин храмы древние глядят,
Полуслепые мраморные боги
О чем-то меж собою говорят.

И слышится неторопливый говор
Времен и поколений, шум ветров,
И заметают пыльные покровы
Печальные обличья городов.

Летят века, срывая крылья
Богини Ники, рвущейся вперед,
Но ветер времени – судья всесильный
Ее в наш сумасшедший век несет.

Ликует Ника, близится победа,
И подлинным величием крыла,
Не копией, а чистым духом света
Тысячелетья ты пережила!

Прости

Весь мир у наших ног распластан,
Мы говорим тебе: Прости,
О счастье думать – труд напрасный,
Нам счастья в жизни не найти.

С тобой, любимая Отчизна,
Мы не привыкли жить в тепле,
Мы – босяки, привыкли к тризне,
Мы – трефы в карточной игре.

И встреч, и праздников знаменье
Проводим в призрачном бреду
И удручаем приведенья
Бульварным пением в аду.

И бумазья, ткань с начесом,
Ненужный груз для наших тел,
Мы вытираем ею слезы,
Уют и сон – не наш удел.

Наш дом у края при дороге,
Мы говорим тебе: Прощай,
И в кандалах звенящих ноги
Нас в прежний возвращают рай.

Тебе

Поговори со мной, душа родная,
Поймешь меня лишь ты один,
И настоящее и прошлое листая,
Переберем с тобой десятка два годин.

И каждый миг тебе и мне понятен,
Знаком как тот, что с нами рядом жил,
И на пути не счесть бугров и вмятин,
Которые с тобою мы прошли.

Но мы прошли и сохранили счастье
В душе, в ее заветной глубине,
И в разговорах, дружеском участье,
Я о тебе, а ты все обо мне.

Мы говорим, как годы пролетели,
И хорошо, что встретились мы вновь,
А мы с тобой совсем не повзрослели,
Лишь поняли значенье многих слов.

Облака

Облака, шары седые,
В чем-то синевато-сером
Проплывают ностальгией
Над живым зеленым деревом.

У вдовы отнимут веру
В то, что муж ее не умер,
Унесут за те пределы,
Где не свет, а мелкий мусор.

Что осталось бедной женщине,
Что успела, век был короток,
Счастья нет, а скорбь по-прежнему,
В сердце стук да дробный рокот.

Колосится рожь – на хлебушек,
Девки замуж собираются,
Облака плывут по небушку,
Головой седой качаются.

Плетение словес – забавное занятие,
Сплетаю строки и слова, я между слов
Вплетаю явные и тайные желания,
Неясные картины давних снов.

Плетение словес – премилое занятие,
Вплетаю чувства в очертанья слов,
Теряю временные очертания
И обретаю логику основ.

А в конце января

А в конце января
вдруг запахло весной,
Вертолетики с кленов
полетели на землю,
И подтаявший снег
задышал как живой,
И проснулся, разбуженный
звонкой капелью.

Что ж, законы природы
предельно просты:
Неизбежная смена
непрерывных движений,
И летят семена,
и спешат прорасти,
И вдыхают весны
вековое свечение.

Возвращение

Романтика подъездов и вокзалов,
Любовь искупит грязь и суету
И возвращенье к таинствам начала
Вернет давно забытую мечту.

Давно забытые таинственные встречи,
Где на ветру качается листва,
Подарит мне осенний темный вечер,
Прошепчет позабытые слова.

Все за чертой иного пониманья,
Иного смысла и других надежд,
Луна как знак особого вниманья
Пошлет мне теплый несказанный свет.

Дураки и дороги

Я у края стою душой
Пусть неправеден путь – ладно...
Будто зверь, обрасту я шкурой,
Не смогу, не вернусь обратно.

А шугам все – забава, танцы,
Горлом воздух, гармонь из легких,
В лебеду превращают посланцы
Лебедей наивных и кротких.

Мой Корнилка – дурак известный,
Напотешился, насмеялся,
И колючка занозы словесной
Разрастается раной заразной.

Почувствуй, как живет строка,
И ровно дышит,
 ровно пульс в ней бьется,
Но вдруг первичная материя стиха
Высоким духом вознесется.

Почувствуй мир в изменчивом
 движенье,
Познаешь радость, скорбь его
 и стон.

Стихия слова – это вдохновенье,
Высокая материя времен.

Осенний, грустный лес
тихонько шелестит,
Обиженно бормочет что-то:
Под ветхий мой навес
Никто уж не спешит,
Бродяга одинокий
Случайно забредет,
Забыв домой дорогу,
И тут же повернет назад,
Скорее, прочь,
Конечно, чем могу теперь я вам
помочь?

Еще вчера веселый свет
Играл в моих ветвях,
А нынче лишь
сырой рассвет
Едва согреет старческие плечи,
И жалкие лохмотья с них сорвет
Бегущий мимо
глупый ветер.

Пусть всегда, пусть всегда это будет –
Солнце, лужи, деревья, цветы,
Пусть меня этот мир позабудет,
Я уйду, но останешься ты.

Ты останешься в синем просторе,
Где во всю польхает закат,
И черемушный запах укроет
Чей-то долгий и сказочный взгляд.

Чей-то взор, чье-то чуткое эхо,
И движение, может быть, вздох,
Отголоски чуть слышного смеха,
Отраженья летающих снов.

Проходи, пусть тебя не тревожит
Мой чуть слышный волшебный полет,
Я ушла, я ушла, но быть может,
Я осталась в дождинках из звезд.

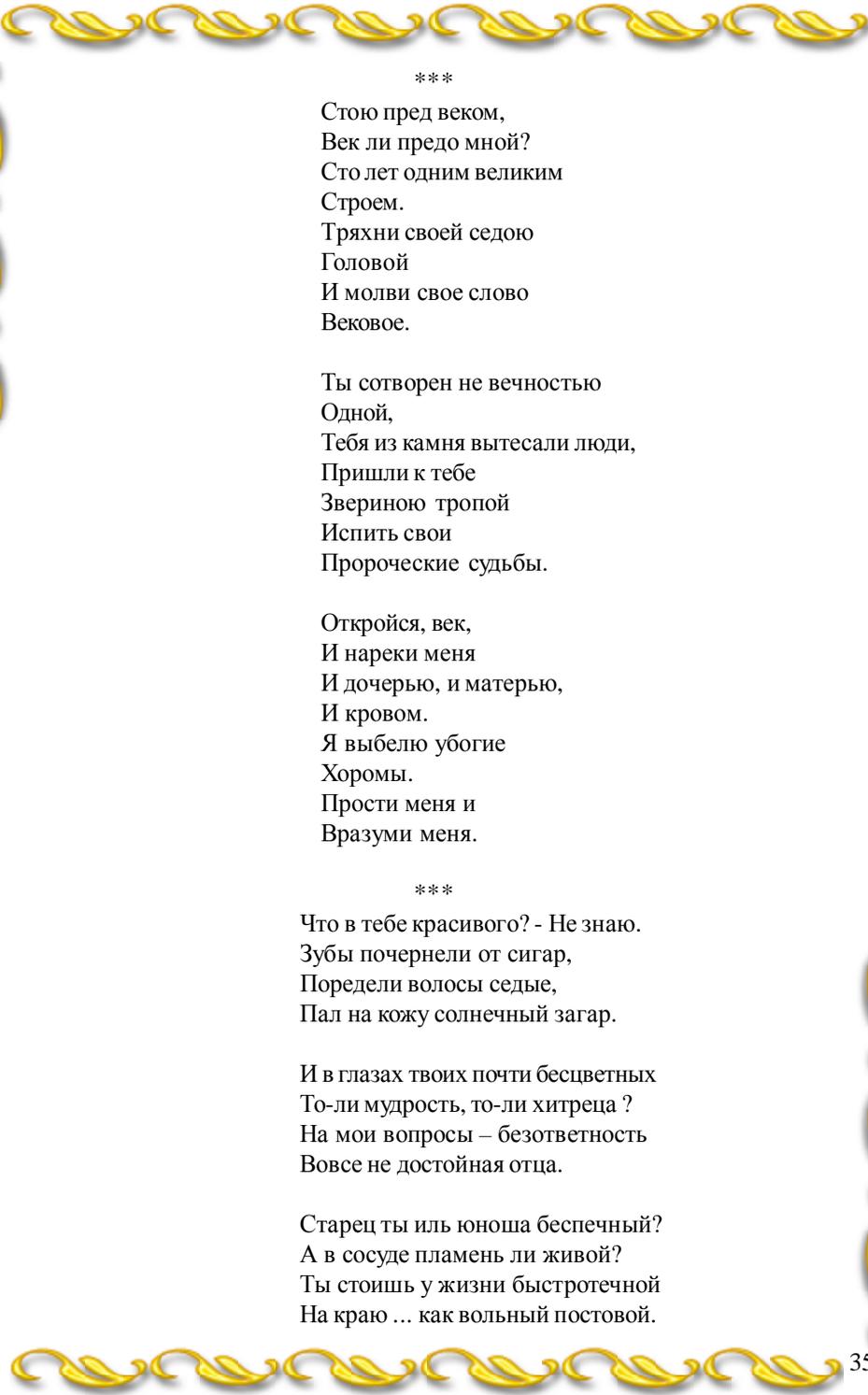
Что кружит нас? Упрямый хоровод
Живых страстей иль низменных желаний?
Возносит лучезарный небосвод
Иль темных туч круговорот терзаний?

Я кровью распишусь над пропастью крутой,
Я оторвусь от глыбы грозной,
Паду на дно бушующей рекой
И вознесусь лавиной звездной.

Я камень, превратившийся в песок,
Сквозь пальцы гор песчаными часами
Измерю путь, он близок ли, далек?
Но времена парят над нами.

Песок струится, падает вода,
И ветер сочиняет сказки,
Веселой пляскою года
Пронесятся, меняя маски.

Стою пред веком,
Век ли предо мной?
Сто лет одним великим
Строем.
Тряхни своей седою
Головой
И молви свое слово
Вековое.

Ты сотворен не вечностью
Одной,
Тебя из камня вытесали люди,
Пришли к тебе
Звериною тропой
Испить свои
Пророческие судьбы.

Откройся, век,
И нареки меня
И дочерью, и матерью,
И кровом.
Я выбелю убогие
Хоромы.
Прости меня и
Вразуми меня.

Что в тебе красивого? - Не знаю.
Зубы почернели от сигар,
Поредели волосы седые,
Пал на кожу солнечный загар.

И в глазах твоих почти бесцветных
То-ли мудрость, то-ли хитреца ?
На мои вопросы – безответность
Вовсе не достойная отца.

Старец ты иль юноша беспечный?
А в сосуде пламень ли живой?
Ты стоишь у жизни быстротечной
На краю ... как вольный постовой.

Белые воспоминания

Я заблудилась в этом городе,
Тебя искала и сама
Забыла что-то. Белым голубем
Летела здешняя зима.

Она напоминала молодость
И прошлогодний снег дрожал,
Как кристаллические молнии,
Врезаясь в сумрачный вокзал.

Я в ожиданье настоящего
Воспоминанья или сна
Увидела тебя стоящего
У приоткрытого окна.

Ты не узнал меня, я видела,
Твой взгляд плугал среди зимы,
И прошлогодний снег невидимо
Летел туда, где были Мы.

На острие копья взнесусь
Навстречу солнцу,
Соединив собой мятежный мир
И пламенный покой.
Пусть кровь моя
Струится в донце
Земли родной.

Отдохнуть еще успею,
Завтра высплюсь, а пока
Посмотрю, как ты умеешь
Мир крушить без молотка.

Отшумит святая правда,
Поухнет злобный пыл,
Похороним всех как надо
И пройдемся вдоль могил.

.....
Помянуть недобрый словом,
Водку горькую допить,
И проснуться в пять, и снова
Черный уголек рубить.

Пух одуванчика.
Пух одуванчика в потоке света
Легко и плавно движется куда-то,
На солнечных часах начало лета
И тихо кружат стрелки циферблата.

Мир не спешит, но медленно и верно
Он продолжается, сверяя с солнцем путь,
И небо надо мной изношено, наверное,
И знает этой вечной жизни суть.

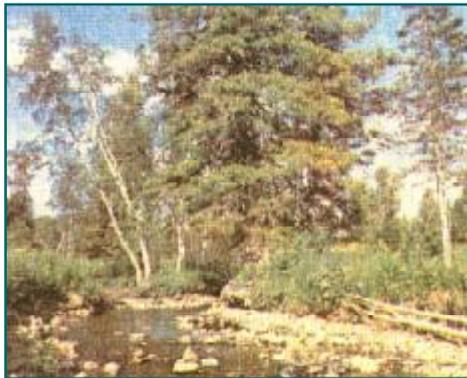
А я под небом пухом одуванчика
Кружусь, играя с легким ветерком
И счастье пью из облака-стаканчика,
Что тихо тает в небе голубом.

Березы, здравствуйте, березы,
И вы состарились, ведь столько лет прошло,
Я молча вытираю слезы,
Мы с вами свиделись, мне повезло.

Вам здесь вдвоем не скучно у дороги,
У вас своя совсем иная жизнь,
Молчите вы, наверное, так надо,
Вдыхаете дождей вечерних синь.

У вас свои и думы и печали,
К вам птицы прилетают помечтать,
Вы на ветвях их птенчиков качали,
Просили далеко не улетать.

А в полдень мириады светлых бликов
Вам солнце зажигает меж ветвей,
Стоите вы торжественно и тихо,
Березы, символ юности моей.

Дым вытекал из сигареты,
Струился, исчезал куда-то,
И музыка гигантской метой
Или кометою косматой
Сжигала тело.
Тяжелело пространство,
Время, представленья.
Я – девочка в зрачках Вселенной,

Она в моих зрачках – Спасенье.
И жизни жесткие объятья
Разжались, раздвигая стены,
Ловлю следы твоих движений,
Как парус солнечным сплетеньем.

На Родине моей сугробы
Как стражи грозные стоят,
Ни радости в них нет, ни злобы,
Сны тяжкие в них спят.

Снега от края и до края,
И вдоль дорог, и вдоль реки,
Длиной от ноября до мая,
И тяжелы и глубоки.

В снега погружена Россия,
Милее нет, светлее нет,
И на стекле оконном стынет
Весенний яблоневый цвет.

Лунный цветок

Как тихо молчит луна,
Улыбкою мудрой светясь,
Она посылает нам
То, что понять нельзя.

Где старые травы росли,
Сегодня под этой луной
Цветы, как мечты расцвели,
Дотронусь до них рукой,

Вдохну обжигающий свет
Старой как мир земли
И в хороводе планет
Легок, как луч зари,
Лети мой ночной цветок,
Мой маленький светоч любви.

Я вынесла изношенные тряпки
И выбросила в мусорный бачок,
Они дохнули гнилью сладкой,
К ним тут же трое сделали бросок.

Два мужика и женщина, наверное,
Она, прикладывая их к груди,
Как в магазине, вроде бы примерила
И нежно гладила, сказав мужьям,-
– Гляди!
Испитых лиц глаза светились радостью,
На женщину глядели:
Вон как ты!
Среди бачков прогуливалась с гордостью,
Увидев горизонты впереди!
Они пошли, души моей обноски
И ветошь моей жизни, приютив,
Смеялись их простуженные глотки,
Я плакала, ушедшее прости.

Глаза пусты.
Сожженные ресницы
Не дрогнут.
Ядовитый разговор
Спускается со стен
Моей темницы,
Игрок надменно бросил:
Перебор.

В зеркальном омуте
Лицо седой старухи
Опознает себя.
Возможно ли узнать?

Чернеет шрам,
Ползет кровавой мухой.
Сожженноглазый спит.
Устал играть.

Ночной разговор

Звуки ночи звенят переборами,
Шелестят, как пергамент изношенный...
В темноте деревенских заборов
Две гнедые стоят лошади.

Чуть позвякивая бубенчиком,
Разговоры ведут волшебные,
Под небесным искристым венчиком
Проплывают слова неспешные,

Непонятные и неслышные,
Никому из нас недоступные...
Лишь петух прокричит трижды,
И закроется мир предутренний.

Вечерний моцион

Я намылила мылом остатки себя,
Искупала их в розовой ванне,
Уложила в постель далеко от тебя,
Усыпила в предутренней рани.

От цветов меланхолия, плющ восковой
Тянет ветви прозрачно и вяло,
Телу легкому нужен простор и покой,
И воздушный покров одеяла.

Улечу от тебя. Мне иные миры
Вновь привидятся в темных объятьях,
И планеты воздушные – чудо шары
Заскользят по незримому платью.

Улечу от себя я в иные миры,
Где дожди – слезы счастья и боли,
Где накрыты столы, где спешат на пиры
Не нашедшие радостной доли!

Поминальное

Вот водка, хлеб, блины и яйца –
Садись, душа, попей, поешь.
Куда спешить? Эх, жаль обняться
Не можем, – знаками потешь.

Качни ветлу, подуй блаженством,
Коровкой божьей прилети,
Зеленый венчик совершенства
На тонком стебле распусти.

Родив, земля тебя поглотит,
Железом пытки превзойдешь,
Хоромы красные сколотят,
И на холме травой взрастешь.
Смотри – вот деньги, вот печенье,
Тебе, душа, – бери, явьись.
Но... тишина миротворенья.
Проснись...

Я подберу
и подгасую пустячки,
Выкладывая их
в мозаику узора,
И разорву куски позора.
Детали мелкие,
Пришельцы-новички
Докажут мне,
Что я тобой любима,
Все просто,
Все неоспоримо.

Умирают красавицы,
Убивают парней.
Город тихо сжимается
От сумятицы дней.

Каждый дом поминает
И родных, и друзей,
Воск слезою стекает
С поминальных свечей.

Разрослось наше кладбище,
У могильных ворот
Город тихо сжимается
От печальных забот.

Пыль

Ветер гонит пыль.
Пыль в моих глазах,
Оседают пыль на моих губах.
Смоет пыль слеза,
Поцелуй сотрет,
И с моих волос
Ветер пыль стряхнет.
Я была с тобой
Пылью на ветру
И в полдневный зной,
И в ночном пиру.

В душе моей поэзия жива,
Она в ней родилась,
Когда еще трава
На нашей улице
Янтарный свет хранила.

Я помню миг –
Начало, да, начало.
Тот миг сказал,
Что мир велик.
И море жизнь мою венчало,
Сокрыв в волне
Любовный крик.
Жизнь сущая моя, земная!
Я вижу твой прекрасный лик,
Да, ты моя, моя, я знаю,
Но помню, жизнь моя, ты – миг.

По звездной выси мой блуждает взор,
И драгоценный бисерный узор
Открыть пытается мне тайну Мирозданья.
Но мы слепы, не видим в начертаньях
Узоров дивных – знак судьбы.
Та высь вселенская, где движутся начала,
Куда в бессмертие иных вознес эфир,
Меня, трепещущую клеточку, зачала,
Дала мне свет и разум, жизнь и мир.

В листе, движеньях, звуках,
На стройных деревьях,
В прощеньях и разлуках,
В непойманных словах
Стихи мои, как птички,
Невидные сидят –
Воробышки, синички
На мир с высот глядят.
Не бойтесь, не поймаю,
Свободны вы, волны,
Купайтесь в теплом мае,
Ловите рифмы-сны.

Сквозь дрему тишины
И сквозь листву склоненных ветел
Летит прозрачный звон весны
И дух земли и свеж и светел.

Вот и травы потемнели, пожелтели,
Вьются мошки, вечер тени удлинил,
И скворцы на юг сегодня полетели,
Испугались, кто – то тихо пошутил.

Зимы здесь сквозят холодными ветрами,
И скворцам не выжить в снежной мгле,
Ну а там, за теми синими горами
Есть страна светлее и теплей.

Травы паутинками сверкают,
Слышен легкий шелест ковыля,
И узором светлым исчезают
Птицы в тихом небе сентября.

Ночь одежды свои разбросала
И ночью прохладой дразня,
Опустилась на землю устало
И уснула на краешке дня.

О листьях

Отшумела, отцвела беспечно
Звонкая зеленая листва,
Улетела в сумрачную вечность,
Пав на землю после торжества.

И слился с землей покров нарядный,
Дал приют уже другим мирам.
И миры пируют в листьях праздно,
И шуршит, звенит веселый гам.

Смена в этой жизни беспощадна,
Но бессмертно торжество мечты,
Превращенья поглощают жадно
Смерть и тленье, вечность суеты.

Превращенья возрождают время,
Держат ускользящую нить.
Листья сбросят старой жизни бремя,
Но рожденья листьям не забыть.

На горе

Мы сидели с Васькой на горе, отдыхали. В самом начале октября было еще тепло, и мы расположились на зеленой, но уже прохладной земле, вдыхали прозрачный воздух и смотрели на город. В сизой дымке заводских газов город казался совсем безлюдным. Мы плутали по его улицам, отыскивали знакомые дома и сами себе казались большими и всевидящими.

За нашими спинами стояли молодые ели. Это по сравнению с нами молодые. Лет двадцать тому назад их посадили и оставили расти, очищать своим дыханием здешний воздух.

Мы молчали. Спокойствие окружало нас незримой пеленой, говорить не хотелось. Васька время от времени бормотал что-то о Людке, которая к ним не ходит, о мамке, которая все время плачет о папке, о своей собаке, которую он все уводит далеко, а она все прибегает...

Васька был почти что Диоген. Обходился небольшим количеством слов и между словами похохатывал, правда, не столь язвительно, как Диоген. Он всегда с готовностью бросался выполнять все, о чем его просили, не вникая в подробности и действуя исключительно с помощью мускульной силы. Его корявые руки были грязными, так же как и он сам. Ваське было немногим больше сорока, но выглядел он, как и его сестра Людка – беззаботно молодо.

На гору взобрались мы по особо важному делу – принесли прах дяди Миши, чтобы захоронить его в могилу Алеши, его сына. Прах покоился в капсуле, а капсула в небольшом ящичке. Все это мы несли в пакете на кладбище. Покойники со всего видимого нам пространства расселились за ельником выше.

Долго плутали мы среди могил, вглядываясь в лица на памятниках, шелестели опавшей листвой. Наконец нашли могилу Алеши.

– Папка к тебе пришел, – сообщил Вася, – будете теперь вместе.

Ямку для праха мы кое-как выкопали кухонной лопаткой, гребли руками, железками. Могилка получилась неглубокой, но да что делать.... Закопали прах, поставили рядом валявшийся старый Алешин памятник.

– Надо подписать, – сказал Вася.

– Подпишем. Будут деньги, поставим

хороший памятник и оградку сменим.

- Надо еще покрасить.
- Как будто похоронили, – подвел итоги Вася.
- Прости, дядя Миша нас, спи спокойно....

Возвращаться назад было легче – все же с горы. “Похоронили, как птичку”, – думала я. В детстве мы хоронили умерших птичек точно так же. В ямку настилали травку, укрывали трупик лопухом, на холмик водружали цветочки, сорванные тут же. Все умершие должны покоиться там. Что им делать среди живых? Совсем нечего.

Васька шлепал в старых ботинках на босу ногу, сопел, изредка похохатывал, что идти теперь легче.

- А Костикова тоже сожгли... .Теперь всех сжигают.
- Да, Вася, разве мы бы с тобой унесли дядю Мишу? А так запросто.

Город постепенно исчезал, оставляя над собой дымку. Мы спустились к остановке и еще долго ждали автобуса. Интересно, о чем он думает, когда молчит? Зачем живет, для чего родился на этот свет, о смерти? А впрочем, зачем? Голова у него устроена проще. Переживаний по этому поводу особых нет.. Ну и что, что это меняет? У него все легко.

- Вася, а Надька-то любит тебя?
- Конечно. Она пол хорошо моет, не то что Валька.
- А деньги она у вас с матерью не ворует?
- Это не она, она не ворует, она хорошая.
- Ну, да ладно, раз хорошая....

– Пойду, посмотрю, что в магазине продается, – Вася бежит головой вперед через дорогу. Магазины теперь в любом закоулке - супер!

- Все есть, – похохатывая, говорит Васька.

– Пойду посмотрю тоже, может, куплю чего. Булку и банан Васька проглотил мигом.

Было тепло, солнечно, по-осеннему тихо и спокойно. Даже то, что автобуса не было третий час, не раздражало. Мы просто смотрели на дорогу, на магазин, на дома, которые с горы нам казались еще совсем недавно не жилыми, смотрели и никуда не торопились. Зачем? Ведь так хорошо просто быть живыми, зрячими, ходячими, пусть и не очень умными, но едиными и неразделимыми с этим миром.

Мои старухи

После зимних холодов робко подтаивали сосули на крышах и роняли редкие слезы, предчувствуя тепло и за ним – свой конец. Косо летели редкие снежинки, сугробы подталяли невообразимыми узорами и по утрам эти кристаллические кружева звенели под ногами, рассыпаясь в безликую крошку. Солнце подобрело, сияло все дольше на небе, – дни удлинялись, а тепло и свет делали свое жизненно важное дело - рождали весну. Ее импульсы проникали все глубже в мое сердце, заставляли его трепетать радостно и тревожно. В такое время сидеть в душевной ободранной квартире с двумя больными старухами обидно, должно быть...

Одна из старух – моя тетя Аня. Все мои сестры и братья звали ее почему-то няней, я тоже с детства привыкла так ее называть. Вторая – моя мама, нянина родная сестра.

– Няня, это твоя сестра родная – Зоя, – объясняю их родство, – ты ее узнаешь? Помнишь?

– Наак, помню, – отвечает тетя. – Как не помнить.... Покорми ее, поди есть хочет.

– А кто это там лежит? – спрашивает тетя через пять минут, что за женщина?

– Да сестра же твоя. – А..., ну да ладно, ладно.

Тетя Аня живет по одному ей понятному циклу – сутки кричит, зовет своих умерших, мужа Мишу и сына Васю, о смерти которого мы ей не говорим, боимся, что это повредит ее и без того слабый рассудок. О смерти его она не знает, да и вряд ли узнает на этом свете. Следующие сутки спит.

Если для кого-то и не существует ни времени, ни пространства, – так это мои старухи. Уж если мы не можем потрогать пространство руками и увидеть время глазами, то мои старухи уже давно перестали замечать эти бесполезные категории. У няни одно измерение – пора садить капусту.

– Миша, а Миша, ты уснул ли чо ли?.. Чай допью да тоже лягу, – бормочет тетя, уже засыпая. – Капусту-то садить пора, а?

Мама вообще не интересуется такими пустяками, сплошное безвремяе без всякого пространства. Где мы с ней, какое сегодня число? Разве это самое важное в жизни?

– А Вася-то где? – спрашивает она в который раз. – Умер? Да ты что!

– А ты и не знала?

– Не знала.

– Я тебе тыщу раз говорила.

– Не ври.

– Вася-то помогает? – спрашивает уже тетя. – Помогает, помогает, – отвечаю я.

А чаще и громче она зовет свою беспутную сноху Надю. Если ее не успокаивать, она будет кричать до хрипоты, до обострения своего хронического бронхита. Бронхит этот булькает в ней, но у няни нет сил его откашлять как следует, и он радуется этому в ее груди, булькает. Мне хочется откашляться за нее или взять ее за ноги и вытряхнуть этот бронхит. Но хранила его няня, оказывается, десятилетиями и теперь они уже не расстанутся никогда.

Тетку мою человек, не знающий ее мог бы назвать существом скелетообразным и вообще не слишком умной. Объяснить ей, что звать мужа с сыном бесполезно, тоже бесполезно. Да и не зовет она их вовсе, а выражает свою еще живую суть. Сколько ей отпущено? Врачи говорят, что немного, но я с недоумением спрашиваю: “Неужели с бронхитом ничего нельзя сделать?” – “Делали все, что могли... бесполезно”.

– На...я, а Наа...я, – уже невнятно кричит моя няня, – убежала ли чо ли?

– Спит она, не кричи!

– Ну, пусть поспит. На...я, ты спишь... ? А Наде..., Надеее..., Надеее..., кхы,кхы.

Неинтересно? Я тоже думаю сейчас, что лучше или важнее в этой жизни? Ходить в красивой одежде, общаться с красивыми людьми и делать красивые дела, например, говорить о пользе чтения и величии литературы или вот сейчас сменить этой беспомощной, не понимающей что умирает, женщине памперс, накормить и погладить ее по голове, обтереть лицо влажной прохладной тряпкой и дать таблетку? А кто будет рядом со мной в последние минуты моей жизни? Из чьих глаз прольются по мне слезы? Да и будет ли нужно мне тогда., это? “Вся тварь земная в мире одинока в свой самый первый и последний час”, – повторяю я слова из стихотворения Лены Воробьевой. Останусь наедине с вечностью в свой самый последний час. В конце концов, все это мне еще предстоит узнать, а пока...

– Ой, тошнехонько, раздеваешь...

– Не раздеваю, а переодеваю, обмочилась ты, няня.

– Не может быть, я этого не позволю.

– Ну, конечно...

– Спать, спать, спать хочу...

– Надя, Надя, ты не спишь?

– Нет, нет, – отвечаю я.

– Ну, спи, спи, милая моя..., поспи.

На старых фотографиях тетя моя круглолицая, чернобровая, в короне двух уложенных вокруг головы кос. Что осталось?

Ученые говорят, что нет времени и нет пространства, а есть лишь точка отсчета. В этой системе координат наше тело и показания часов должны как-то соотноситься, например, как рождение и разрушение. Но у каждого свой цикл разрушения и неизвестно, в какой момент в нас созревает перелом, и мы начинаем разрушаться, кто медленно, а кто вдруг, в одночасье сворачивается, замолкает и возвращается туда, откуда пришел. А откуда пришел...?

Взрывается, расширяется и сжимается до размеров клетки наша жизнь. А в клетке все от начала до конца, все предусмотрено, запланировано, рассчитано.

На кровати заерзала, пытаюсь подняться на горшок, моя мама. Вот в ком живет безропотная тихая душа. Ни стона, ни жалобы, а сердце мое сжимается от жалости и любви.

– Мама, есть будешь?

– Ну, дашь, так буду.

– Наденька, Надя, Надееее... , – продолжает кричать няня.

Надя, Надя, где ты беспутная бродишь, с кем таскаешься? Лично я не видела, чтобы она что-то делала или ела когда-нибудь, будто жила неизвестной нам энергией. Вся ее жизнь – бесконечная трепотня и беготня бесцельная. Нет у нее ни паспорта, ни прописки. Приводила бесчисленных “братьев” по разуму, украшала замызганную вонючую кухню иконками, воровала у “мамы” и Васи пенсии, варила дешевую крупу в обгоревшей, вечно грязной кастрюле, завела собаку, от которой сами не знали куда деться, торговала наркотой, а в письмах к родным писала, что у них с Васей скоро родится мальчик, купили они компьютер и вообще все у них, как у людей.

А тетя Аня все зовет: “Надя, Надя” – уже безнадежно и тихо.

– Зачем тебе эта Надя? – спрашиваю я ее.

– На, а незачем. Зачем мне она?

– А что кричишь: “Надя, Надя”? Может тебя к Наде отправить?

– И не надо, пошто это? Здесь жить буду.

– Ну, дак не кричи.

– Надя, Надя, Надя, Надя...

Снег за окном то крупнее, то мельче, непонятно, в какую сторону летит. То туда, то сюда, вроде бы не знает, где ему лучше приземлиться или вообще бы не садиться на землю, а порхать вот так, пока носит его легкий ветер. В воздухе лучше, чем на земле. А ляжешь на землю и все - затопчут, а не затопчут, все равно конец. Замыкается круг, и не сойти, не свернуть, не поднять головы с белой каменной подушки и кажется, что другого не дано – и конец.

Ну, почему же уж и конец? Станешь ты водой, все польза от тебя.

Все просто

В середине июня дождь приносит свежесть и чистоту.

Дни начала лета – самое лучшее время года.

В такое утро после июньского дождя выхожу я на автобусную остановку, спешу укоротить время моего опоздания на работу. Опаздываю на двадцать минут, а с учетом скорости автобуса, мое опоздание сократится минут на десять, если, конечно, автобус не задержится.

Я пристально смотрю за таинственный поворот, где появляются похожие на автобус светлые машины, но и разочарование не медлит. Дождь омыл серый асфальт, сгреб с него мусор и унес в образованные им же потоки. Те пенились, кружились вместе с мусором и уплывали куда-то вниз по обочинам дороги. Вода всегда течет по своим законам. Уж вверх она точно не потечет.

На остановке безлюдно. Автобус ходит здесь не часто, проще пешком. Небольшой городок расселился между двух рек, расстояние между которыми можно измерить неспешным шагом часа за два. Я оказалась в нем случайно, думала ненадолго, не старалась обзавестись хозяйством, но и уехать из города никак не получалось. Жила просто, будто понимала, что привязывать себя добровольно не стоит. Когда еще молод, богат и счастлив тем, что имеешь – легкостью и свободой. Воздух проходит сквозь тело, наполняя клетки свежим дыханием. Это и есть счастье. Сейчас я это знаю, но задумываюсь о другом, более насущном. Хочется комфорта, удобства, уюта, тепла. Кстати, самое хорошее слово в этом ряду – тепло. Но оно не окутает тебя просто так, к нему полагается и уют, и комфорт, и удобная обувь. Все проще с годами, все материальнее наши потребности. Как сказал один великий: все гениальное просто. Вот и я говорю: все материальное просто. И все движется от сложного к простому, от юности к старости, от счастья к покою.

Но покой мне пока даже и не снится. Это потому, что нет свободы от забот, от семьи, от детей. Проблемы обступают со всех сторон как дикие звери. Нет силы не только справиться с ними, но и не обращать на них внимания. Если ты не можешь ничего сделать, то ничего и не делай. Представь, что нет проблем. Знакомая песня? Наверное, с точки зрения какого-нибудь заядлого психолога или философа это и верно, но на практике такая позиция ничего не решает. Бездействие смерти подобно. Одну проблему не заметил, не решил вовремя и все... Поехала она снежным комом с горы, наращивая массу, которая сомнет и

не выпрямиться тебе потом веки. Вот вам живописная картина свободы от жизни, которая ставит нам барьеры за барьерами, только успевай перепрыгивай, как лошадь на спортивных состязаниях. И все на таких скачках зависит от скорости галопа. Можно, конечно, и все барьеры преодолеть, и обогнать подобных тебе лошадей, а потом сдохнуть от изнеможения на краю этого спортивного поля и никто этого не заметит. Это и будет покой, но уже в другом его качестве, нематериальном...

Боже мой, как прекрасен этот мир!

Мир в начале лета, в начале своего цветения. Подрагивают блестящие листочки, уклоняясь от тополиного пуха, порхают белые бабочки, уверенно летящие по своим делам, прогуливаются бабушки с внуками, мамы с деточками, все отмерено временем, но сейчас кажется вечным. Никто не скачет галопом, нет кроссов на пересеченной местности. Покой и тепло вокруг. Кажется, вечным будет этот проспект, обрамленный неоновыми фонарями, ярко-зелеными островами зелени, водоемчиками, размышляющими на красных лавочках тетеньками и дяденьками о том,

красиво это или не очень и для чего понадобилось тратить их деньги на реконструкцию, раньше было намного удобнее в тени старых кленов.

Вечность в бесконечных изменениях, в движении от цветения к увяданию, от яркого к тусклому, от рождения к разрушению.

Летят пушинки, летят, летят... Сначала – белые пушинки, а за ними бабочки, тоже белые. Потом и бабочки и пушинки соединяются в одну пушистую массу и летят вместе. Пушинки останавливаются вокруг луж, образуя белые окружности, и бабочки рассаживаются около воды, образуя трепещущие островки. Кто из них живое существо – непонятно. А живое все вокруг – и бабочки, и тополиный пух, и воздух вокруг, и мысли человеческие, и камешки на берегу реки, и сама бегущая по земному шару, подчиняясь его законам, вода.

Необыкновенный человек или все мужики одинаковы

Юра был человеком необыкновенным, так он считал. В действительности это определялось его необыкновенным складом характера. Он не подходил ни под один известный науке психологии социотип, вернее включал в себя все социотипы разом. Они проявлялись с определенным интервалом в очень выраженной форме. То он был явным Наполеоном, то вдруг становился ярким лириком. Лиризм свой Юра усматривал в своем огромном любящем сердце. Он говорил, что жить будет долго – лет до восьмидесяти, а то и до девяноста, но на всякий случай написал завещание: “Мое сердце после смерти отчлените и поместите в трехлитровую банку. Пусть жена поставит ее в сервант на видное место как ежедневное напоминание – вот сердце, которое любило весь мир и особенно детей всех времен и народов”.

Когда-то в юности тип был рыжим и кудрявым, теперь стал лысым и пегим. Но стройность фигуры сохранил и очень этим гордился. Надо сказать, что ростом он не вышел, но этот недостаток восполнял тем, что уверял всех в своем исключительном здоровье и утверждал, что всех может удавить вот этими самыми руками. Короче: “Я – Сверх-Я”. Это в его сознании не вытеснила ни наследственность, ни внешняя среда. Совесть его характер зафиксировал на самой ранней стадии развития и затем эта категория осталась незыблемой.

Но самой характерной его особенностью были систематические запои. Да, он был запойный алкоголик и этим все сказано. Запой повторялись с монотонным однообразием в периоды получки, пенсии или какого-нибудь побочного заработка. Тип Юра старался пропить, например, пенсию за неделю, вахтовый метод позволял ему такую роскошь.

Залив в горло полторы тысячи рублей, он вдруг одумывался и сильно раскаивался в содеянном, но было уже поздно... Юра перевоплощался в кроткого мальчика, глядел скромно, спрашивал разрешения у жены покушать и уверял, что такого безобразия больше не повторится. Но... Как может горный козел не прыгать через пропасти, тем более тип любил экстремальные ситуации, и хождение по краю пропасти предпочитал скучной обыденности.

Нужно отметить, что в пьяном виде у типа Юры сильно обострялось чувство справедливости. Тогда он припоминал близким, как они к нему плохо относятся,

несмотря на то, что находятся на полном его иждивении (что по мнению близких и на ложь-то не похоже, а чистое издевательство), что они обворовывают его на каждом шагу, воруют буквально все, вплоть до его драгоценной жизни. Полжизни украли, это точно.

Кроме того, Юра буквально всех начинал подозревать в аморальном образе жизни. Жена изменяла ему бесчисленное количество раз, потеряв стыд и совесть, причем с недостойными. Особенно развратными казались ему красотки, кривляющиеся в телевизоре. О каждой из них он мог бы рассказать страшно неприятные подробности их личной жизни и хотел лично казнить бы каждую, но устройство ящика не позволяло двухстороннее общение. Хотя он старался доказать всем этим красоткам, кто они есть на самом деле, они не обращали на него внимания, а выключить телевизор Юра не догадывался.

В целом, конечно, тип Юра был необыкновенным. Представьте себе, его комары не кусали, да и вообще все кровососущие – клопы, клещи, оводы. Хотя жена утверждала, что не кусают его из-за его ядовитой крови, но Юра был совсем другого мнения. Это знак божий! Верующим Юра не был, но подозревал, что во вселенной есть какая-то невидимая сила, которая и выделила его среди всех смертных, наградила этим удивительным свойством – не быть укушенным. Иногда он размышлял над этой особенностью своего организма с огромным пафосом и выразительными интонациями. Что же тебе непонятно, дура этакая, тебя-то комары жрут!

В общем, если бы не горло, которое шире плеч, да не водка, которую надо уничтожать в огромных количествах, Юра обошел бы земной шар в одних трусах и босиком. Узнал бы мир, кто здесь главный герой и на кого надо молиться, кто мог бы все разумно устроить, всех призвать к ответу. Юра строг, но справедлив!

Конечно, сомнения по поводу своей исключительности были. И Юра не стеснялся их излагать громко и ясно. Это, во-первых, то, что он слишком добрый и всех любит, хотя его тоже все любят, а может быть и ненавидят. Возможно, он плохой человек, но все же хороший. И не следует его жене обращать внимание на ничтожных, отъевшихся мужиков, а любить следует его – единственного и неповторимого в своем роде.

Социологический опрос женского населения, проведенный в январе этого года, показал, что все мужики одинаковы, за редким исключением.

ВОРОБЬЕВА

Елена

Родилась в 1972 году в г. Междуреченске. Затем семья переехала в Хакасию. Окончила Канский библиотечный техникум и позднее КемГАКИ. С 1992 г. работала заведующей библиотекой в с. Балькусу. С 1999 г. работала в Междуреченской центральной городской библиотеке. В настоящее время живет и работает в г. Мыски.

Лауреат губернаторской премии, публиковалась в газетах, альманахах “Огни Кузбасса”, “Полифон”, сборнике “Палитра образов и красок”, сборнике “Междуреченск: поэзия и графика”, книге “Город между Тьмью и Усой”.

Шумят берёзы надо мною,
Печальной гордости полны.
Под чистой неба синевую
Леса и травы зелены.

Я в эту тихую погоду
Здесь, на поляне, посижу –
Лес успокоит все невзгоды,
Смирит обиды и вражду,

Лес угостит малиной спелой,
Водой из чистого ручья.
Уйду домой с ромашкой белой
И улыбаться буду я.

1989

Чужой

Чужой. Как страшно это слово,
А ведь когда-то был со мной.
И как теперь тебя, чужого,
Забыть, вернув душе покой?

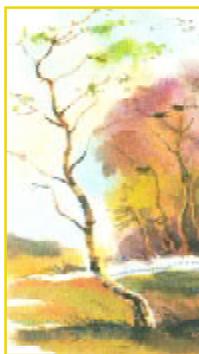
Как жить мне, брошенной тобою,
И знать: возврата счастья нет,
Что засыпаешь ты с другою,
Её дыханием согрет?

Но я смирюсь, прошу, забуду
И счастья пожелаю вам.
Тебя, чужого, ждать не буду –
Стихи – сожгу, кольцо – продам.
1991

Осень

Чуть тронув струны тихие ветвей,
Запел в деревьях ветер песнь свою,
И закружились листья всё быстрее,
Отчаявшись найти себе приют.

Закапал дождь с небесных серых глаз
На хмурый лес, что солнцем не согрет...
К берёзе облетевшей прислонясь,
С тоской смотрю я птичьей стае вслед.
1989

Закрашу бледность щек своих румянами,
Заплаканные подведу глаза
И буду вновь веселая и пьяная,
Ведь дальше истязать себя нельзя.

Я буду всем беспечно улыбаться
И чьи-то взгляды на себе ловить,
Я буду, с кем попало целоваться,
Рискуя легкомысленной прослыть.

Любовь моя – болезнь неизлечимая,
Как только выйдет хмель из головы,

Я вспомню, что тобою не любимая
И самая несчастная, увы...

1991

День погас, смолкли резкие звуки.
Ночь зажгла миллионы огней.
Нет у сил оттолкнуть твои руки,
Я пьянею от ласки твоей.
И сама почему-то губами
Вдруг касаюсь твоих ресниц...
Мы одни, и теперь между нами
Нет границ...

1991

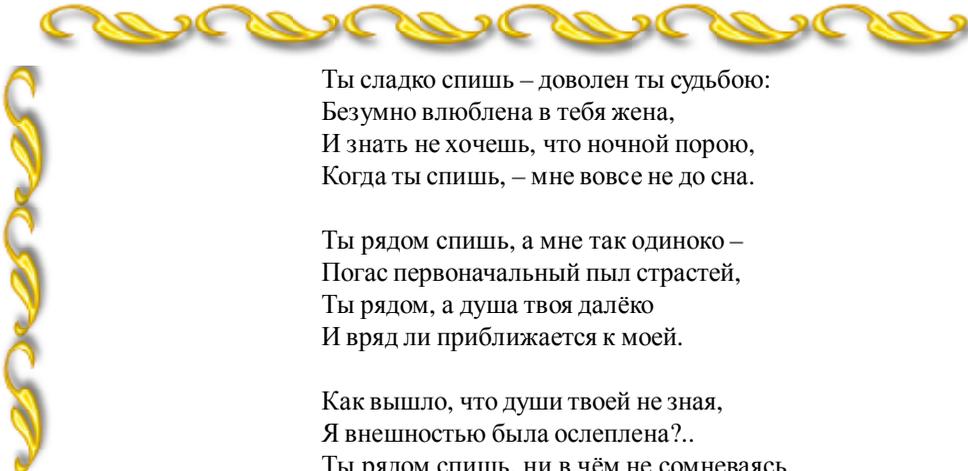
Не можем ни сойтись, ни разойтись,
Как связанные ходим друг за другом,
А стрелки часовые круг за кругом
На кончиках своих уносят жизнь.

1992

Бессоница

Ты крепко спишь, ты спишь со мною рядом,
Со мною рядом, а такой чужой...
Спокойный профиль обвожу я взглядом,
Наполненным тревогой и тоской.

Зачем я здесь? Зачем в твоей постели?
Какая злая сила нас свела?
Зачем она февральскою метелью
Назад пути-дороги замела?

Ты сладко спишь – доволен ты судьбою:
Безумно влюблена в тебя жена,
И знать не хочешь, что ночной порою,
Когда ты спишь, – мне вовсе не до сна.

Ты рядом спишь, а мне так одиноко –
Погас первоначальный пыл страстей,
Ты рядом, а душа твоя далёко
И вряд ли приближается к моей.

Как вышло, что души твоей не зная,
Я внешностью была ослеплена?..
Ты рядом спишь, ни в чём не сомневаясь,
А я мучений чашу пью до дна.

1993

Как это нелепо, как это жестоко,
Быть рядом с любимым такой одинокой:
Бояться за каждое лишнее слово,
В любую минуту быть к бою готовой,

Ни горем, ни радостью с ним не делиться,
Держать всё в себе, быть сильнее, чем лвица,
Но слабой при этом казаться и нежной,
Быть женщиной страстной, хозяйкой прилежной,

Работать, рожать и всегда быть красивой,
И даже в несчастье казаться счастливой.
А если не выдержишь, если сорвёшься –
От мужа поддержки не жди – не дождётся:

Унизит, подавит, изгадит всю душу
И бросит, – другая найдётся, получше.
А ты проиграла – нелепо, жестоко –
Смирись. Ты и прежде была одинока.

1993

Ещё не все оплачены счета,
Ещё не все мной выплаканы слёзы,
Ещё не все проклятья и угрозы
В мой адрес бросили твои уста.

Ещё не все я слышала мольбы,
И поцелуй наш вряд ли был последним,
Ещё порой в твои я верю бредни,
Что нам одной не избежать судьбы.

Ещё в душе остался уголёк
Когда-то бушевавшего пожара –
Он отравляет жизнь мою угаром
Сомнительной надежды и тревог.

Но знай: пройдёт и эта маета,
Из сердца выболит любви заноза,
И свежий ветер высушит мне слёзы,
И я открою новые счета.

1993

Молитва

День догорал, и солнца луч последний
Желанным гостем заглянул ко мне.
Тянулись к свету бледные растенья
Навстречу наступающей весне.

Часы стучали, был так строг и светел
Взгляд Богородицы с иконы на стене,
А я молилась, чтоб на этом свете
Немного счастья выпало и мне.

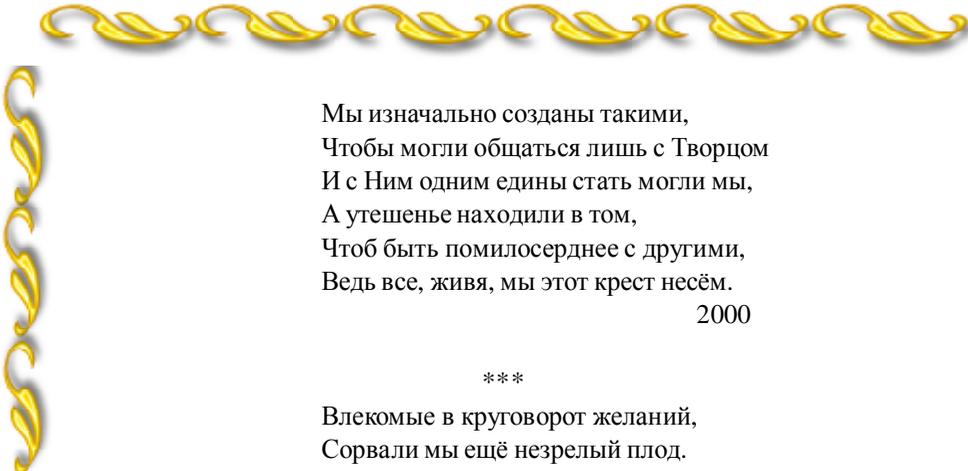
1999

*...Лишь гордец мнит, будто он не одинок
во всякий миг своего существования.*

М. Дрюон

Вся тварь земная в мире одинока
В свой самый первый и последний час,
И в каждый миг отпущенного срока
Не меньше одинок любой из нас.

И даже тело тех, с кем делим ложе
И было, и останется чужим,
И дети наши нам чужие тоже,
Хотя мы всё для жизни дали им.

Мы изначально созданы такими,
Чтобы могли общаться лишь с Творцом
И с Ним одним едины стать могли мы,
А утешенье находили в том,
Чтоб быть помилосерднее с другими,
Ведь все, живя, мы этот крест несём.
2000

Влекомые в круговорот желаний,
Сорвали мы ещё незрелый плод.
Не оправдал он наших ожиданий –
Лишь горький стыд теперь нам души жжёт.

Друг друга наказали мы жестоко,
Пойдя на поводу у первых чувств,
Ведь мог бы плод налиться спелым соком,
Приобрести свой аромат и вкус.

Назад, на ветку бы его хотелось,
Но он в ладонях – жалок и смешон,
Лежит упрёком за свою незрелость,
За то, что больше нам не нужен он.
2000

Анне Ахматовой

Я научила женщин говорить...

А. Ахматова

Моей звездой ты стала путеводной,
Моей недосягаемой мечтой.
Твой голос – голос истины свободной
И голос каждой женщины земной.
2000

Мои стихи... Зачем они, откуда?
Толь наказанье, толи дар небес
За то, что я ждала большого чуда
От жизни, полной маленьких чудес.

Мои стихи – плоды ночей бессонных,
Источник бед и радостей моих.
Как много было их – мертворождённых,
Как мало свет увидело из них!

Они неблагодарны, как все дети –
Ни славы, ни богатства не несут,
Непрощенные гости в мире этом
Мои стихи, мой бесполезный труд.

Мои стихи – со мной они повсюду,
Ни бросить их нельзя, ни потерять...
Они – всего лишь маленькое чудо,
Но всё же – пусть рождаются опять!
2000

Прозрение

Прервали Вы любовь, как сон кошмарный –
Спасибо за оказанную милость.
Поверьте, я Вам очень благодарна
За всё, что между нами не случилось,
За всё, что удалось от Вас спасти,
За то, что нам теперь не по пути.
2001

Первый снег 2000-го года

На сонмище бессмысленных грехов
Вновь стелет Богородица перину.
Облекшись в этот девственный покров,
Природа, как невеста, вновь невинна,

Спокойна и божественно чиста
Затихла в ожидании прихода,
Как нового пришествия Христа,
Тысячелетья нового и года.

2000

Я не взяла билет на электричку: вправду
Шёл дождь, мне было в кассу лень бежать.
Хотя и было страшно с непривычки,
Но всё же села – контролёров ждать.

Я их ждала – с дверей глаз не спуская,
И думала: как лучше объяснить,
Что я промокла, что я – не такая,
Что в правду не могла билет купить.

Читать я не могла, вздремнуть – тем паче,
Куда там – нервы, словно провода:
А если не проверят – вот удача,
А если оштрафуют – вот беда!

А электричка медленно тащилась,
И не было ей дела до меня,
Но я боялась, я так торопилась,
На остановку раньше вышла я.

И, с облегченьем сбросив шкуру зайца,
Пошла пешком – за электричкой вслед...
Куда уж там – бесплатно мне кататься,
Спокойствие дороже, чем билет.

2001

Междуреченск

Что чист он и красив – отнюдь не ново,
Что молод и богат – само собой,
Но где же взять особенное слово
Для городка меж Томью и Усой?

Быть может, просто ко всему добавить:
Мне хочется его достойной быть,
Ведь я люблю его – к чему лукавить?
Я в нём живу, и – я хочу в нём жить!
2001

Как нелегко любить своих врагов,
Особенно в минуты их удачи...
Но знай: они даются для того,
Чтоб ты решал судьбы своей задачи.

За это нужно их благодарить
И помнить: в свете истин непреложных
Лишь полюбив, ты сможешь победить
Своих врагов. Иначе быть не может.
2002

Посвящается Е. Керн

Когда утихнут страсти –
На дно осядет муть,
Реальным станет счастье,
Преодолимым – путь,

Прощение – возможным,
Добро – не показным,
И смысл жизни сложной
Спасительно-простым.
2003

Я- сама по себе

Я – сама по себе, но как будто бы с вами –
Эта хитрость нужна мне в неравной борьбе.
Я притворно смеюсь и согласно киваю,
Чтоб, себя сохранив, быть самой по себе.

Я – из белых ворон, кого гонят из стаи,
Чтобы жить не мешал беспокойный пробел,
Потому я в пыли, потому я скрываю,
Что одна среди всех, что сама по себе.

Одеваюсь как все, в пустяках утопаю,
По течению плыву, не противясь судьбе,
Чтоб не поняли вы – я вам просто чужая,
И не друг, и не враг, а – сама по себе.

Эту скучную роль я привычно играю,
О лице настоящем почти не скорбя,
Только хитрость в неравной борьбе не спасает:
Я себе изменяю. Теряю себя.

2001

Перед лицом спасителя

Бог всеисильный, рождённый до века,
Свет нетленный живого огня,
Ты пришёл в этот мир человеком
За две тысячи лет до меня.

Ты пришёл неразгаданной тайной,
Бесконечной в своей простоте,
Чтоб, исполнив Отца обещанье,
Быть распятым людьми на кресте.

Ты пришёл, чтоб над сумраком ночи
Просияло величие дня...
Смотрят в душу бездонные очи
И любовью спасают меня.

2003

Вот и лето буйное устало
Брать плоды с натруженной земли
И ушло, чтоб всё начать сначала
После возрождающей зимы.

И опять служительница-осень,
К таинству, готовя светлый храм,
Листья зажигает и приносит
В жертву всемогущим небесам.

2001

Грустная песенка

Купила бы я лампочку,
Чтоб стало жить светлей
И чтоб не плакать в тряпочку
По юности своей.

Зачем же я мамулечку
Не слушалась тогда? –
Теперь качаю люлечку,
Краснея от стыда.

Зачем махнула ручкою
Я на диплом в бреду? –
Теперь вот недоучкою
Работы не найду.

Осталась дочь без папочки,
Карманы – без грошей,
И нет в продаже лампочки,
Чтоб стало жить светлей.

2003

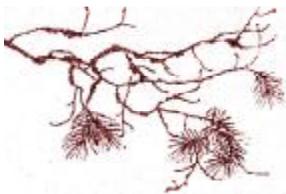
Забыто всё. Один лишь вечер помню –
Гуляли мы. Окутал мир туман,
Луну прикрыл он матовым плафоном
И скрыл от нас бессонные дома.

А дождь весенний кончился недавно,
Остатки снега растворялись в нём,
И капли на ветвях горели плавно
Таинственным опаловым огнём.

Река шумливо уносила воду,
И просыпалась под землёй трава,
Пьянящей влагой напоён был воздух –
Терялись в нём ненужные слова.

И молча любовались мы, как дети,
Всей этой красотой, открытой вновь,
И верили, что есть любовь на свете,
И в то, что между нами есть любовь.

2003

Настроение

Осень пресные слёзы
Бесконечно роняет,
Три засохшие розы
На окне опадают.

Надоевшие мысли
Колесо закрутили:
Щи на плитке прокисли,
Беспорядок в квартире,

Дочь не хочет учиться,
Пёс за стенкою воеет,
Неприятные лица
Не дают мне покоя,
Кран на кухне сорвало,
Надоела работа...
Я от жизни устала –
Только спать и охота.

Но солёные слёзы
Я роняю без толку –
Лучше выброшу розы
И возьмусь за уборку!
2003

Рыжая девчонка-осень
Поманила за собой.
Вроде, время только восемь,
А уж гаснет свет дневной.

Половинкой дыни спелой
Поднимается луна,
Зелень пышную умело
Укрошает желтизна,

Фонари, как апельсины,
Засветились вдалеке,
Нереальные картины
Пишут волны на реке.

А за нею, в дымке тонкой,
Красотой своей гордясь,
Осень – рыжая девчонка
Ловко прячется от глаз.

2003

Преступление

Не отступив от своего,
Сказал ты твёрдо и негромко:
“Иди и убери его,
Ведь нам сейчас не до ребёнка!”

За окнами стояла ночь,
Спал зимний город равнодушно,
А утром сына или дочь
Я понесла на смерть послушно.

И вот средь побелевших лиц
Жду очередь, дрожа всем телом,
К рукам заслуженных убийц,
Вооружённым и умелым.

Но – рвёт уже на части боль,
И мозг туманит запах бойни...
Всё кончено. Я просто ноль,
И можно снова жить спокойно.

Но что нам делать с пустотой
И зимней стужей в доме нашем?
Мы – соучастники с тобой,
В твои глаза смотреть мне страшно.
2005

Ты хочешь, чтобы я была твоею,
Но всё-таки свободу бережёшь,
А я любить вполсилы не умею
И не хочу терпеть объятий ложь.

С сегодняшнего дня ты застрахован
От рук, несущих ласку и уют,
От первого сынишкиного слова,
От дома, где тебя всё время ждут.

Оставив при тебе твою свободу,
Сомнений всех твоих змеиный яд,
Подошвы отряхну перед уходом,
Чтоб не вернуться никогда назад!
2005

Развязным, нудным и болтливым
Становишься от водки ты,
А я ищу в тебе тоскливо
Меня привлёкшие черты.

И так, покорна пьяной воле,
Тащу по жизни наугад
Тяжёлый крест совместной доли –
Неразорвавшийся снаряд.

2005

Ответ атеисту

Ты говоришь, что тот, кто верит – слаб,
Душою тёмной, с логикой не дружит,
Что никому не нужен божий раб,
Когда сам Бог уже давно не нужен.

Ведь мы уже клонируем овец,
В картофель вводим гены скорпиона –
В науке обретём мы, наконец,
Бессмертье – без божественных законов!

У нас машины – чудо из чудес,
Мы скоро полетим к другим планетам!
Наш бог и царь – технический прогресс,
Мы будем жить в раю – на *этом* свете!

А я отвечу: в тишине церковей
Творят молитву за весь род наш тёмный
Те, кто имеет свет в душе своей
И силу, что спасает мир огромный.

2005

День осенний хрупок и прозрачен,
Ласково прощальное тепло,
Старый парк листвою тихо плачет,
Дворникам измученным назло.

Голубь что-то ищет на дорожке,
Дёргая головкой в такт шагам.
Я ему завидую немножко:
Не до грусти маленьким мозгам.

Мне же грустно расставаться с летом,
Жаль ещё один прожитый год.
Жаль, что всё проходит в мире этом,
И не всё весной расцветёт.

Каждому, кто стал однажды лишним,
Суждены забвенье и покой...
Я живу ещё, но сердце слышит
В лёгком ветре холод ледяной.

2005

Звезде

Талантов много у тебя, быть может –
Поёшь, рисуешь, пишешь хоть куда.
Но славою обязана ты всё же
Лишь одному – отсутствию стыда!

2005

Снегопад

Падение снега – падение с неба
Кристаллов причудливых мёрзлой воды,
Из липких объятий их выбраться мне бы,
Но бездна мои поглощает следы.

Мне тесно, мне страшно среди хлопьев мохнатых,
Что лезут и лезут в лицо без стыда,
И шепчут: “Усни на просторах несмятых,
Как мы упади и усни навсегда.

Зачем тебе жизнь в нищете и печали?
Зачем тебе старость, что ждёт впереди?
Смотри, мы же звёзды, но тоже упали,
Не бойся, лежать так легко, упади!”

Усилим воли стряхнув наважденье,
Я буду идти снегопаду назло,
Ведь знаю, в звезде настоящей – спасенье,
А снег – он растает с весенним теплом.
2005

Откуда же в то время было знать
Мне, о несчастье ничего не знавшей,
Что о тебе я буду вспоминать
И через много лет с тоской шемящей?

Студенчество. Неблизкий путь домой.
Чужие лица на чужом вокзале.
Вдруг – ты среди них, знакомый и родной,
Почти всю ночь мы в поезде не спали.

Болтала, между прочим, я о том,
Что ты мне только друг на самом деле,
Того ж, кого считаю женихом,
Я всё равно добьюсь как главной цели.

В разлуку поезд через ночь нас мчал.
Ты взгляд отвёл, разжав невольно руки:
“Скажи, зачем тебя я повстречал?
Зачем нужны мне были эти муки?”

Давно уже имею я диплом,
Свидетельства о браке и разводе,

С подросшей дочкой дружно мы живём,
Работа есть и всё нормально, вроде.

Командировка. Снова тот вокзал
И тот же поезд, через ночь летящий,
Но нет тебя. Никто не подсказал
Где счастье, ничего о нём не знавшей.

2005

Есенину

Откуда ты пришёл, Сергей?
И почему так плохо кончил?
Зачем свой светлый лик порочил
Позором пьяных кутежей?

Прекрасен телом и душой,
Ты одарён был щедро Богом
И на земле любил так много,
Так страстно и грешно порой.

Ты ошибался и страдал
С народом в роковое время,
Ты нёс стихов такое бремя,
Что в тридцать лет под ним упал.

Русь уходящую твоим
Звонящим голосом отпели,
Так кто ты был на самом деле:
Похабник или «херувим»?

И где душа твоя сейчас –
В раю, в аду иль над Россией?
Мне кажется, с небесной сини
Твои глаза глядят на нас.

2005

Меня тянет к тебе
Вопреки моим жизненным взглядам,
И на то несмотря,
Что уже ошибалась не раз.
Каждой встрече с тобой
Я как солнцу весеннему рада,
Но боюсь себя выдать
Счастливым сиянием глаз.

Да, я знаю, у нас
Ничего, никогда не случится,
Я не пара тебе
И смешно о любви помышлять,
Но в разлуке опять
Я тоскую, как по небу птица,
Меня тянет к тебе,
Но должна я об этом молчать.

И пускай не легко
И не просто мне с чувствами сладить,
Постараюсь ничем
Не смутить твой душевный покой.
Меня тянет к тебе,
Но поверь, ничего мне не надо,
И спасибо за то,
Что ты просто прошел стороной.

2006

Я снова стою у опасного края
Влекущего ада, желанного рая,

Рукою боюсь прикоснуться случайно,
Чтоб не обнажилась томящая тайна,

И чтоб изоляцию вдруг не пробила
Животного тока нещадная сила.

И где мне найти от безумия средство?
Оставшись одна, с искалеченным сердцем

Я буду, пытаясь уйти от химеры,
За жизнь цепляться обрубками веры.

И все-таки, снова у самого края
Надеюсь на счастье, о счастье мечтаю!
2006

Как? Ты любишь меня? Вот так новости!
Ты, несчетных романов герой,
Ты, игравший когда-то бессовестно
С безнадежно влюбленною мной!?

Говоришь, что извелся, измаялся,
День разлуки со мною кляня,
Что во всем совершенном покаялся,
Что никто не заменит меня!?

Жаль, что с этим своим объяснением
Опоздал ты на несколько лет.
Польщена, может быть, тем не менее
Ничего у нас в будущем нет.

2006

Подруге

Не спрашивай: “Ну как на личном фронте?”
Ответ все тот же самый: “Тишина”,
И, в общем-то, нужна как рыбе зонтик
На нем очередная мне война.

Увы, твоей я не развею скуки,
И, уж прости, советам не внемлю:
Желанья нет ходить из рук мне в руки, –
Я жизнь свою и без того люблю.

2006

Попытка самоанализа

Я отвернулась от самой себя,
Я от самой себя сбежать хотела
И даже рассчиталась, как сумела
На первое, второе, третье “Я”.

Они, как будто сами по себе
Живут во мне и ссорятся порою,
Их трудно помирить, и нет покоя
Мне в этой нескончаемой борьбе.

Одна – богатства хочет для меня,
Другой же подавай мужчин вниманье,
А третья жаждет славы и признанья,
Но это все – не истинное «Я»!

Как Лебедь, Рак и Щука тянут воз,
Так рвут меня на части эти трое,
Все мысли, занимая суетою,
И как мне с ними быть – вот в чем вопрос.

Нет, надо что-то изменить в судьбе,
Ведь я – не Фрейд, анализ мне наскучил...
Послать бы их куда-нибудь всей кучей
И повернуться вновь к самой себе!

2006

Не даром убеждали нас от века,
Что гордость – первый грех в любой судьбе:
Чем уже кругозор у человека,
Тем кажется он выше сам себе.

2007

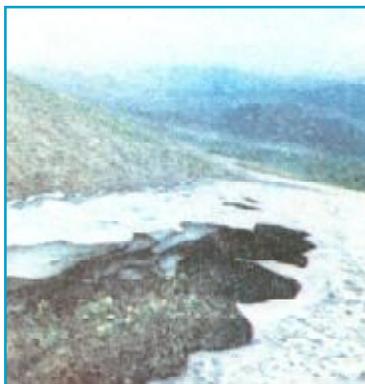
Хакасская степь

Здесь время встало, здесь вечность дышит:
Синеют сопки. Простор. Покой.
Здесь больше неба, здесь небо ближе,
Здесь бродит ветер в траве сухой.

В зеркальной глади озёр солёных
Купает солнце свои лучи,
А вдоль дороги пасутся кони,
И копошатся в земле грачи.

Круги курганов хранят молчанье
О том, как древний здесь жил народ.
Кочевья, войны, легенды, тайны...
Здесь время встало, здесь вечность ждёт.

2007

В доме сегодня пусто –
Все разошлись,
разъехались.
Я, наконец, одна.
Солнце играет с люстрой,
Идти на работу не к спеху мне –
ТИШИНА...

2007

ГОРЕЯВЧЕВА

Вера

Родилась в 1979 г. в Прокопьевске. В 2001 г. окончила СибГИУ г. Новокузнецка, став инженером по автоматизации. В литературный клуб “Пегас” (СибГИУ) вступила сразу после его основания. В 2001 г. вышла замуж и переехала в г. Междуреченск. В настоящее время работает в Центральной городской библиотеке программистом.

В ее жизни два стержня, две опоры – это любовь и природа. “Любовь – это смысл жизни”, как сказал один мудрец, а природа – это то, без чего невозможно существование любви.

Это ее источник, ее родник. Поэтому ее произведения посвящены в основном этим двум, главным темам.

В студенческие годы печаталась в поэтических сборниках СибГИУ: “Души и сердца искренний порыв” (2000г.), “Люблю, мечтаю и тревожусь” (2000г.), “Маленькая коллекция больших переживаний” (2001г.).

Жизнь такая короткая, милый!
Мне же многое нужно успеть.
Я хочу колесить по миру
И небесную Высь облететь.

Покорить все Вершины на свете
И пещеры облазить все.
Облететь бы все страны, как ветер,
Хоть разок побывать везде,

Прогуляться б в морской пучине,
Помечтать бы при звёздах морских,
Отдохнуть у касаток на спинах,
От забот отрешившись, мирских.

Соль морей всех оставить на теле,
В океан окунуться хоть раз.
Птах небесных послушать все трели,
Впасть от музыки мира в экстаз.

А ещё археологом стать бы,
Раскопать бы Помпею свою!
Всё о прошлом, о предках узнать бы,
Чтоб увидеть их жизнь наяву.

Если б всё это стало явью,
Я б мечтала о чём-то другом,
Потому что наш мир необъятен,
Потому что люблю всё кругом!

Это сердце моё

Слышишь стук? Это сердце моё
Бьётся ради тебя одного.
Слышишь вздох? Это сердце мое
О разлуке печалится тихо.
Слышишь крик? Это сердце моё
Лишь тебя призывает, тоскуя!
Слышишь всплеск? Это сердце мое
В безысходности слезы роняет...

Если слово дал, то постарайся
Непреренно в срок его сдержать.
А не можешь, что ж... хотя б пытайся,
Только стоило ль его тогда давать?

Может, ненароком получилось,
Вышло так случайно, может быть.
Я скажу: “Забудем. Всё приснилось.
С каждым ведь бывает – это жизнь”

Только в будущем старайся обещанья
С лёгкостью такую не давать,
Чтоб другим не причинять страданья
И друзей случайно не терять

Люблю тебя! Безумная, зачем?!
Люблю, хоть знаю – быть в разлуке вечно...
Но пламя чувств не погасить ничем,
Любить, не думая, готова бесконечно!

Люблю глаза твои, что теплотой согреты,
Люблю таинственность улыбки озорной.
Люблю тебя! Ты даришь столько света!
Мне так спокойно и тепло с тобой!

Ты приехал всего лишь на пару часов,
Заглянул, так сказать, мимоходом.
Я б хотела тебе прошептать столько слов,
Но в словах лишь печаль и тревога.

И сжимает мне сердце, сбивая дыхание,
Боль того, что нельзя отворотить.
И опять проходить будут дни в ожиданье,
В ожиданье тебя буду жить.

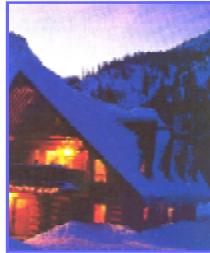
Я сдержу, подавлю подступившие слезы,
А росинку упавшей слезы
Сохранит, как бутон чуть раскрывшейся розы,
Моё сердце залогом любви.

И тех слёз не увидать тебе никогда.
Я тебе лишь “люблю” прошепчу.
Я ведь знаю, тебе неприятна слеза,
– Боль тебе причинять не хочу

В ладонях своих горячих,
Озябшие, держишь мои.
– Я жить не хочу иначе,
Твержу я тебе, – пойми!

Я только хочу, чтобы были
С тобою мы вместе всегда,
Хочу, чтоб сердца не остыли,
Любовь пронеся сквозь года.

Хочу, чтобы также нежно,
Когда пыл страстей станет тих,
Такой же зимою снежной
Держал мои руки в своих.

Родителям

Родители! Спасибо вам за то,
Что вы растили нас, заботились, учили,
Что в нас вы личность воспитали из «никто»,
И за себя стоять нас научили.

Спасибо, что советы мудрые давали,
Когда нам приходилось тяжело,
Что силы все и время отдавали,
Учили щедрости, для всех творить добро.

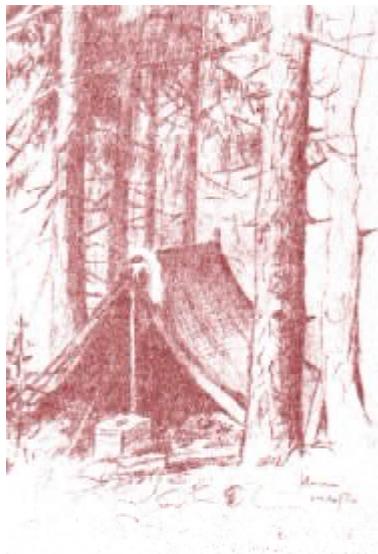
Чтоб чувства ставить лишь на первые места,
Любить и уважать, в душе тепло хранить
И в жизни с первого и до последнего листа
Мы обещаем уважать вас и любить.

Тихо спускается вечер,
Шепчет о чём-то ручей.
Вот и дождался той встречи,
Что торопил столько дней.

Эх! До чего же приятно,
Сидя в ночи у костра,
Слушать, как нежно и сладко
Трели звучат соловья.

Как он, то громче, то тише
Песнь своей жизни поёт,
Как упоительно свищет,
Будто бы манит, зовёт...

Может, кому-то и сложно
Будет всё это понять,
Но на словах невозможно
Трель соловья передать!

Золотая пора тихой грусти
Вновь наводит на мысли о том,
Что душа вдруг возьмёт и запустит
Боль тоски по любимому в дом.

И тогда человек слабой воли,
Обессилев в неравной борьбе,
Захлебнётся в волне этой боли
И без слов покорится судьбе.

Но всё это со мной не случится,
Не позволю, что б зелень тоски
Принудила на дно опуститься
И зажала в стальные тиски.

Я не буду сдаваться, не буду,
И дождусь того дня, когда ты,
Вновь приедешь и я позабуду
Эти полные грусти часы

Людей хороших не много на свете,
Душою и сердцем чистых,
Обидно, что мало таких на планете,
Кто жизнью рискнет и спасет бескорыстно.

Любовь – загадочное чувство,
Не объяснимое ничем!
– Шедевр, изюминка искусства,
Решенье жизненных проблем!

Жизнь... Как мало нам отведено
И как же многого в ней хочется успеть.
Узнать, попробовать, и не одно,
А многое открыть, и много песен спеть.

И дом построить, и детей взрастить,
Любовь испить вплоть до последней капли,
К родителям почтения не забыть,
И одинокою не оказаться цаплей.

С друзьями быть, идти по жизни вместе,
Набраться опыта и мудрости веков,
Отринуть ложь и паутину лести,
Жить, лишь, открыто, в мире добрых слов.

Жизнь так непредсказуема –
Бросает вверх и вниз,
Но ты, ты можешь выбрать:
Покой себе иль риск.

Ты можешь жить втихушку,
Спокойно, сам в себе,
И вряд ли руку друга
Увидишь ты в беде.

А можешь жить, рискуя,
Покой забыв и страх,
И воплотить в реальность
Все то, что видел в снах.

Живи не по указке,
Не так как все живи,
Не по чужой подсказке,
А так, как хочешь ты!

Когда пальцы, касаясь, сплетутся,
И глаза все расскажут без слов,
Когда губы к щеке прикоснутся,
Я пойму, что такое любовь!

Когда искра вдруг пламенем вспыхнет,
И охватит волнения жар,
Сердца бешеный ритм не утихнет,
Не потушится страсти пожар,

Когда жаркие губы прошепчут,
То, что сводит с ума меня вновь,
И когда поцелуем отвечу,
Я пойму, что такое любовь!

Когда руки твои осмелеют,
И под ними дрожать буду я,
А объятья твои лишь согреют,
Я пойму – не могу без тебя!!!

Вновь стучат монотонно колеса,
Вновь мелькают леса за окном,
Завтра будут встречать меня росы
И деревья в тумане седом.

Что там ждет меня, я и не знаю,
Да зачем мне об этом и знать.
Все известно, ведь так не бывает,
Все про все никогда не узнать.

Может, вновь мне палатку промочат
Дождь и ливень, роса по утру,
И костер вдруг гореть не захочет,
И в носках, может, дырки прожгу.

А может быть, солнышко будет
На землю сквозь тучи светить,
И мне, может быть, не забудет
Частичку тепла подарить.

И как бы там ни было все же
Я встречу с улыбкой рассвет,
Улыбку даря тебе тоже,
Скажу миру счастья: "Привет!"

КАЛИТИНА Екатерина

Родилась 24 мая 1986 года в городе Семипалатинске. В 1994 году приехала в Междуреченск. Ее общительность, умение держаться перед аудиторией принесли победу и в городском конкурсе чтецов, посвященном Дню Победы “И помнит мир спасенный” в 2001г. Благодаря литературным способностям и активной жизненной позиции, с 1999 по 2002 годы была главным редактором гимназической газеты “Афина”. Печаталась в

литературных журналах “Полифон” г.Междуреченска, “Медвежий угол” г.Новосибирска, газетах “Контакт” и “Вечерний Междуреченск”, сборнике произведений юных авторов “Радуга сердец”. В 2002 году Кате была присуждена стипендия и звание “Юное дарование города Междуреченска”. Имя Кати можно встретить в книге “Гордость Междуреченска”, посвященной 50-летию города, среди другой талантливой молодежи нашего города.

Сейчас Екатерина учится заочно в Томском политехническом университете. Работает библиотекарем в центральной детской библиотеке.

И все ушло...
И не вернуть того, что было,
Тех ясных дней,
Когда так мягко все стелило,
И блеск огней, цветов немая нежность,
Все светлое дарило свежесть.
Когда мы сможем так летать?
Когда мы сможем так мечтать?
Да, да, мечтать, не строить планы,
А засыпать в руках у мамы.
И чувствовать ее тепло-
Теперь так сладко, хорошо...
Сейчас же нужно думать и решать,
Бежать, стремиться, торопиться,
Чтобы успеть – не опоздать!
А к детству как же возвратиться?
И нужно как-то ухитриться,

Не растерять тех чувств глубоких,
Которым можно умилиться,
Однажды в час раздумий одиноких.
И я кричу – никто не слышит!
А хочется вот как тогда...
Почувствовать, как мама дышит,
И знать, что это НАВСЕГДА!

Маме грустно...

Бывает в жизни трудно сделать шаг,
Бывает, сердце жмет в груди тревожно.
Ты должен сделать так, но как?
И думаешь, что это невозможно

Твои усилия порой напрасны.
Ты ищешь выход в полутемной мгле,
Ты видишь в светофоре только красный,
Твои страдания понятны только мне.

Метаться среди обид и зла не надо,
Закрой глаза, послушай сердца стук.
Твоя улыбка для меня награда,
А в сердце ты поймешь – кто настоящий друг!

Проснувшись утром, улыбнись прохладе,
И солнышко подарит лучик всем в ответ.
А прежде чем грустить, подумай о моей награде,
Родней улыбки в мире просто нет!

ПЕРШИНА

Галина

Родилась в 1949 г. в Тюменской области. Первое стихотворение написала в 5 классе.

В библиотеку пришла работать в 1985 г., заочно закончила КемГИК.

Печаталась в местных газетах, альманахе “Полифон”, городском сборнике “Междуреченск: поэзия и графика”, книге “Город между Томью и Усой”, сборнике творчества библиотекарей Кузбасса “Палитра образов и красок”.

Библиотекарям

Кто говорит, что мы, ну просто мыши,
Иль даже незаметные микробы,
А посади их к нам и съедет крыша
У этих “эрудированных” снобов.

Ведь знают-то лишь пару революций,
Один стишок, да аш два о в придачу,
И округлят глаза от коэволюции,
От Кейсна давление заскачет.

На Харриса уставятся бараном,
Сойдут с ума от Фрейда и Маслоу,
Какие вехи проходили страны,
Пожалуй, не услышим мы ни слова.

Патернализм неведом им, убогим,
И сколько душ цунами загубило,
Хотя бы эти подвести итоги,
То этой крохой я бы их убила.

Да, мы как мышки знанья собираем,
Что зерна полновесные, в копилку,
И в их мозги за пять рублей втираем,
Как удобренье нужное в опилки.

Такая вот, друзья, у нас планида:
За просвещение и культуру драться.
Чтоб Гомо гуманикус все же выдать,
Для этого так нужно постараться!

Мой тост за вас, любимые, родные,
Моя семья, друзья, мои коллеги,
Чтоб несмотря на тяготы земные,
Вы выжили б без всяких привилегий!

Берегиня

Как художник смешивает краски,
Намешаю рифмы и слова:
Вот фрагменты из забытой сказки:
Сосны, незабудки и трава;

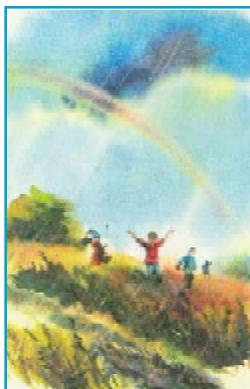
Желтая песчаная дорога,
Озеро зеленое в лесу,
Серый камень, вросший у порога,
Девочка, плетущая косу.

Выгорели бровки и ресницы,
На носу веснушек хоровод,
Шелк волос струится к пояснице,
Берегиня! Продолжать ей род.

Девочка из маленькой деревни,
Затерявшейся в глухом лесу,
Сохраняет наш обычай древний,
Заплетает русую косу.

Детство

Капель весенняя стучала,
Светило солнце.
Вода холодная журчала
В ручье на донце.
Самозабвенно воробышки
Плескались в лужах,
А мы, девчонки и мальчишки,
В ручейной стуже
Пускали лодочки в овраге,
Сосали льдинки,
И плыли вороны как стяги,
В небесной синьке.
И в колыбелечке ребенка
Весна качала,
А в сердце радостно и звонко
Свирель звучала.

О любви

Горели факелы во мраке,
Знобила ночь своей тоской
И астр трагические знаки
Всё леденели под рукой.

На эшафот я восходила,
А ты моим был палачом,
И сердце, с ловкостью Ахилла,
Рассёк предательским мечом.

В деревне

Прялка старчески скрипела
И свивала сказки нить.
Между отдыхом и делом
Отчего ж не говорить.

Огонек лизал полешки
И от радости плясал.
На доске стучали пешки,
Кот блоху в хвосте кусал.

Нет ни бабушки, ни кошки,
Ни отца, ни мамы нет...
Но они в мои окошки
Посылают лунный свет.

Ты

Проходит жизнь, друг друга мы не встретили
На шумных перекрестках бытия.
Мы сразу б, без сомнения, заметили,
Что две мы половинки – ты и я.

А про тебя когда-то сны поведали:
Как мы сидели рядом у огня,
И как твои друзья тебя же предали...
Но ... почему оставили меня?

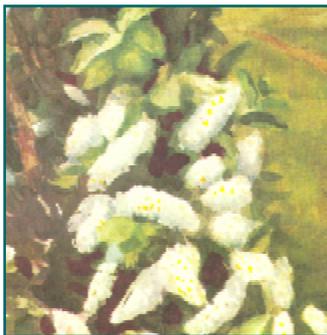
И если б ты, звездой моей отмеченный,
Сюда, на Землю, снова бы пришел,
Я не прошла бы в жизни незамеченной,
Меня б ты обязательно нашел!

Юность

В белом облаке черемух
Одурели соловьи.
Я в глаза твои смотрела,
Ты смотрел в глаза мои.

А качели все летели,
Все летели до небес,
Все кружилось: речка, ели,
Мост Военный, синий лес.

Стрелы нам сердца пронзили,
Май звенел, дождь звездный шел.
Просто юными мы были,
Ты из армии пришел.

Подарок Бога

Господь сказал: “Берите и владейте,
Я это вам дарую навсегда!
Прекрасную и хрупкую, жалейте,
Её от всех ударов, господа.

Коль сохраните – это вам награда,
Коль разобьёте – потускнеет свет.
Хотя вы неразумны, мои чада,
Но всё-таки учтите мой совет”.

... Глаза пусты, слова грубы и колки,
Сердца трепещут в ранах и крови,
И всюду, всюду, всюду лишь осколки
Божественной растоптанной любви.

Избушка

Избушка, ночь, вино на печке,
Ты рядышком со мной.
Когда я выскочу из речки,
Почти что ледяной,

Вином горячим напоишь ты,
Целуешь до зари...
Такой ты ласковый и чистый,
Всё шепчешь: не смотри...

Быть может, древнею старушкой,
Забуду шёпот твой,
Пока же ночь, вино, избушка,
Ты рядышком со мной

Се ля ви

Букет прощальный пах зимою,
Лежали астры на столе,
И кто-то, с яростью немой,
Рыдал нам в душу: силь ву пле...

Стучался ветер старой ставней.
Молчанье, словно яд в крови,
Нас отравляло болью давней:
Мы расстаёмся, Се ля ви...

Избавь меня от этой муки
И уходи же поскорей!
До окончательной разлуки –
Четыре шага до дверей.

Часы испуганно пробили,
Вбивая гвозди нам в виски.
Мы, расставаясь, уходили
В огромный океан тоски.

Вальс

Белый морок тумана
Обнимает реку,
Мы от юности пьяны,
Вальс танцуем в кругу.

Гармонист деревенский
Мёд на сердце всё льёт,
Вальс то русский, то венский
Под заказ выдаёт.

Сердце птичкой трепещет,
От объятий дурман,
В берегах речка плещет
И всё гуще туман.

Скоро солнышко встанет
И петух пропоёт,
А гармоника манит
И уйти не даёт.

Как пережить мне эту встречу,
Твои пьянящие слова,
Вот наступает снова вечер
И ходит кругом голова.

Я не хочу с тобой встречаться,
Но как ты все же нужен мне!
Сказал, не стоит огорчаться,
А что же скажешь ты жене?

Ты манишь, ну а я готова
Себе наручники надеть,
Когда придешь однажды снова,
Чтоб тягу ту преодолеть.

Телепатические нити
Меж нами тянутся в ночи,
Тебя прошу разъединить их,
Морзянкой в сердце не стучи.

Не то мы ринемся в пучину
Своих желаний и страстей,
Останови меня, мужчина!
Заклинь коробку скоростей!

Не все еще потеряно,
Весне прийти пора,
И то, что нам отмеряно,
Не прожито вчера.

Растают льды тяжелые,
Снега сойдут с горы,
И с кем-то мы, веселые,
Затеем шарм игры.

Подруге

Ты келью свою украшаешь цветами,
Живет здесь фантазий бесчисленных рать,
Дерутся разбойники тут с королями,
Кому эту женщину первому брать!

Здесь нет ни манер, ни приличий, ни скуки,
Здесь жертвенно плавится страсти свеча,
И ищут на теле дрожащие руки
Созвучие нерва, восторг палача.

Но утро врывается в узкие окна.
Цветы на столе, в покрывале кровать.
И ржавый замок в одиночестве мокнет,
И некому нынче его открывать...

Феминистка

Ну ёк-бабай, какие страсти!
Я не хочу, ну хоть убей.
Не надо мне такого счастья,
Твоих лопат, твоих гвоздей.

Люблю одна я жить на даче
И сладким сном встречать рассвет,
И на себя одну батрачить,
Пусть даже сил порою нет.

Ой, не звони, моя изжога,
На что-то там не намекай,
От жизни надо мне немного,
Ты покумекай, посмекай.

Ну чем меня прельстить ты можешь?
Ты мне подаришь свой скелет?
Ой, не смеши! Совсем похоже,
Ты одурел под старость лет.

Артист!.. Мне не привычно,
Смотрю я иронично
На жалкие остатки
Таланта твоего.
Артист.., поешь умело,
Целуешься несмело,
Мне грустно почему-то,
И чуточку...того...

Флибустьеры

Откинув золото портьеры,
Пуская сигаретный дым,
Надменно смотрят флибустьеры,
Как нежится под солнцем Крым.

Все есть у них, чего хотели.
Не покидают твердь земли –
У них иные параллели,
У них другие корабли.

Они плывут на “Мерседесах”,
Не пряча сундуки и суть.
Все – дети дикого прогресса,
Поднявшего земную муть.

И за тонированным окном
Их хищный чувствуешь замес –
Нисходят селевым потоком
Под гром и сполохи небес.

Попутчик

Глаза, чугуна холодноватый,
Отводит сумрачно в окно.
Покрыто небо серой ватой,
Уже становится темно.

И неприятен мне мужчина,
Застывший, взглядом, на стекле,
Сидит, не шелохнувшись, чинно,
Как статуя – в вечерней мгле.

Его узнать я не пытаюсь,
Заговорить я не хочу.
Журнал прочитанный листаю
И так же каменно молчу.

А вечер – ночь уже сменяет.
Смотрю, как смеживши глаза,
Попутчик голову склоняет
И «отпускает тормоза».

Он спит, все мускулы расслабив,
Он, наконец, собою стал,
И жалко мне его по-бабьи:
Я вижу, как же он устал!

Прошаю отчужденья холод...
Во сне качается рука –
Так изможден и так немолод,
И жизнь, как видно, нелегка.

Ты спи, попутчик молчаливый.
Делить нам нечего с тобой.
Стучат колеса торопливо,
Вагон, качая, голубой...

Памяти Киреева

Я не могу шахтёрский славить труд,
Не от хорошей жизни эти вахты,
Ведь всякий раз не знают, где умрут,
В постели от болезни или в шахте.

... Дрожит от напряжения рука...
Молчанье тьмы... Ни звука, ни ответа...
В завале жизнь уйдёт от мужика,
Не попрощавшись даже с белым светом.

За что же славить этот рабский труд,
Который жизнь, здоровье отбирает?
И пусть мне возразят сегодня тут,
Что я основы славы попираю.

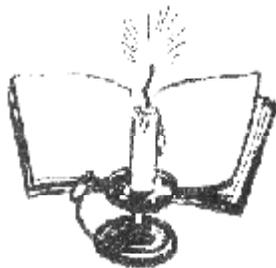
В ответ, наверно, горько промолчу,
Живёте вы под солнышком, в покое,
Но чей-то призрак хлопнет по плечу
Однажды чёрной скрюченной рукою...

*Елизавете Дмитриевой
(Черубине де Габриаек)*

Читаю нить жемчужную стиха,
Что оборвали так жестоко, дико.
Ты стала жертвой тайного греха,
Представившись наивно – многоликой.

Достигла б ты заоблачных высот,
Таинственной оставшись чужестранкой.
Зачем ему открыла ты лицо?
Ведь русскою была, а не испанкой.

О, женщина придуманной мечты!
Манила ты и мучила тоскою,
Но... русскою была всего лишь ты –
Ну как простить в отечестве такое!

Вздрогнул город полусонный...
Стук щита и звон меча.
В перекрестиях оконных
В страхе мечется свеча.

В полумраке зреет запах,
Запах смерти и войны.
И несет в кровавых лапах,
СЕЧА, образ Сатаны.

Бой поднимет чье-то знамя,
После, в пепле у дорог,
Алый мак, как будто пламя,
Вспыхнет огненно у ног.

Времена, события, даты...
Повторяются дела:
Все сражаются солдаты,
Чтобы Родина жила.

Читаю строки. Дрожь идет по коже...
Не написать мне никогда ПОХОЖЕ...
Не вылить кровь из сердца на строку,
Не высказать такую вот тоску!..
Стихи горят и корчатся в огне.
Нет, никогда не написать так мне...

Междуреченск

Привет, мой город! По тебе скучала.
Как хорошо обратно приезжать!
Гостить люблю, но только поначалу,
Через неделю хочется сбежать.

Немилو всё, и ветры холоднее,
Тепла река, но рядом нету гор.
Природа хороша, но победнее...
Во взгляде брата горечь и укор.

Я так давно не виделась с родными
И всё ж срываюсь, нет уж сил, конец!
Билетов нет, тогда перекладными:
Новосибирск, потом Новокузнецк...

Ну, слава Богу, электричка мчится
В мои обетованные края.
Хватаю сумку, больше не сидится.
Ну, здравствуй, Междуреченск! Дома я!

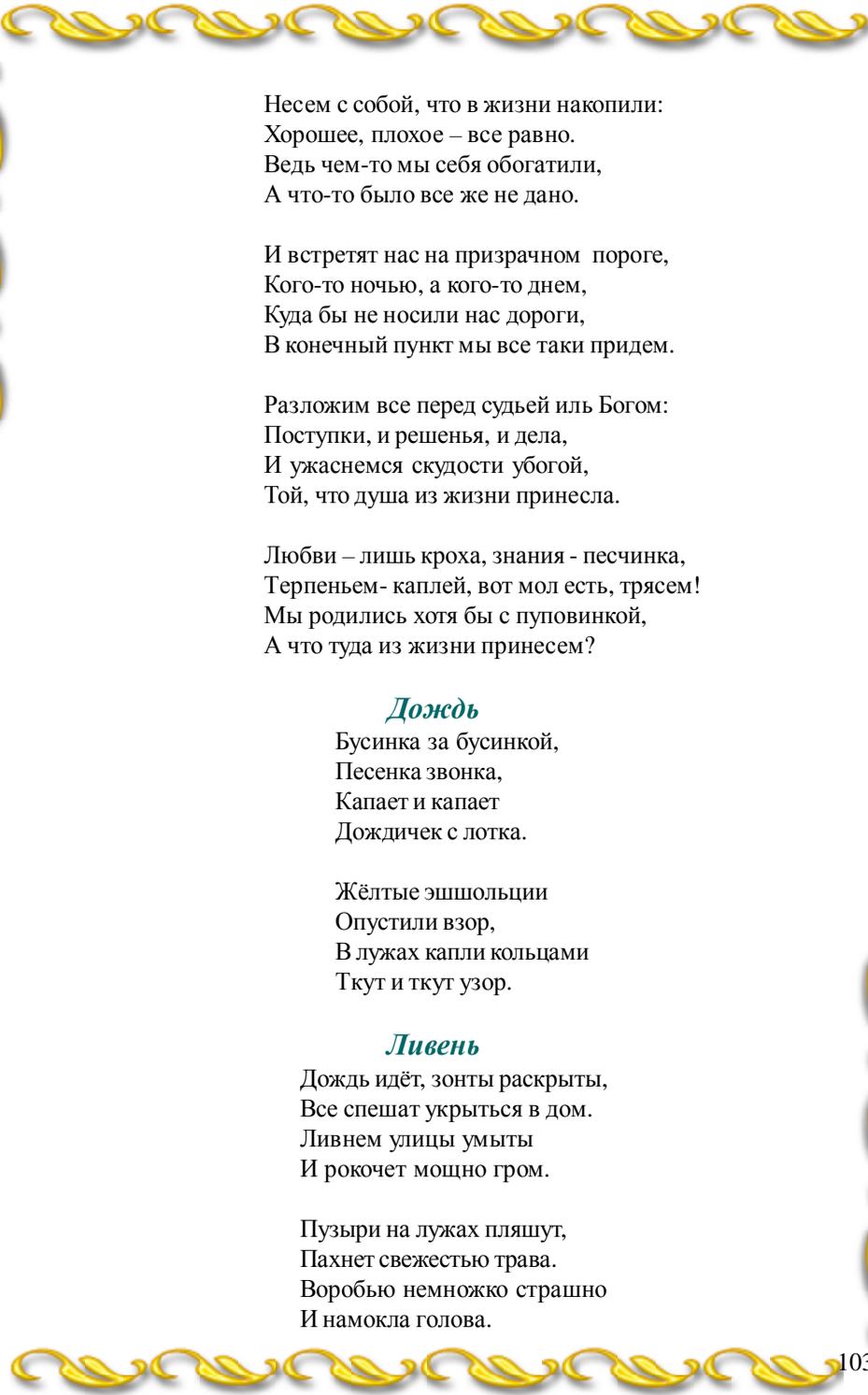
Ю. Панову

Не надо рук ломать, не надо сожалеть,
Обыкновенная жизнь, обыкновенная смерть;
Вот так бы ты сказал со скромностью своей,
Ты был не депутат, ты был не лицедей.

А памятью тебе останется "Сиблаг".
И тех ты оправдал, кто числился как враг,
Тех судеб колесо от грязи ты отмыл,
И не корысти для, а просто честным был.

Не всё закончил ты, что написать хотел.
Предела нет души, но есть предел у тел.
Страдающий за наш кузнецкий горький край,
Писатель, публицист, нашёл ли ты свой рай?

Попутчики мы... в поезде летящем
И станция у каждого своя,
Простившись торопливо с настоящим,
Выходим из вагона Бытия.

Несем с собой, что в жизни накопили:
Хорошее, плохое – все равно.
Ведь чем-то мы себя обогатили,
А что-то было все же не дано.

И встретят нас на призрачном пороге,
Кого-то ночью, а кого-то днем,
Куда бы не носили нас дороги,
В конечный пункт мы все таки придем.

Разложим все перед судьей иль Богом:
Поступки, и решенья, и дела,
И ужаснемся скудости убогой,
Той, что душа из жизни принесла.

Любви – лишь кроха, знания - песчинка,
Терпеньем- каплей, вот мол есть, трясем!
Мы родились хотя бы с пуповинкой,
А что туда из жизни принесем?

Дождь

Бусинка за бусинкой,
Песенка звонка,
Капает и капает
Дождичек с лотка.

Жёлтые эшшольции
Опустили взор,
В лужах капли кольцами
Ткут и ткут узор.

Ливень

Дождь идёт, зонты раскрыты,
Все спешат укрыться в дом.
Ливнем улицы умыты
И рокочет мощно гром.

Пузыри на лужах пляшут,
Пахнет свежестью трава.
Воробью немножко страшно
И намокла голова.

Весна

Половодье. Лес по пояс
Мокнет в синеве.
По стремнине мчится поезд
С льдиной во главе.

С ноздреватой влажной кромкой,
От весны отстав,
Катит тяжело и емко
Ледяной состав.

Утро

Петухи, зарю встречая,
Загорланили в тиши.
Легкий ветерок качает
В тихом утре камыши.

Резво всплескивает рыба,
Каплет с листьев сок.
В небе огненная дыба
Мучает восток.

На горизонте нежится рассвет,
Закутавшись в ночное покрывало.
Тускнеют очи дремлющих планет
За сумрачным таежным перевалом.

Покрыты горы дымкою речной,
Как лезвия сверкают в росах травы.
Он чист и светел этот рай земной,
Без хищной человеческой управы

Живу, почти не замечая,
Пейзаж привычный, смену дня.

А птичка веточку качает
На диске солнышка, звеня.

А шмель исследует тычинки,
Напудрив желтые бока.

А на стекло легла снежинка
И не растаяла пока.

Не верю ни в мечты, ни в сказки,
Сижу улиткою в дому.

Но мой малыш, раскрывши глазки,
Так удивляется всему!

Первый снег

Всю ночь в агонии природа,
Страдая, билась за окном,
Покуда сфера небосвода
Не опрокинулась вверх дном.

Мир оглушило тишиною,
Валились хлопья из – под туч,
И светлой радостью земною
Искрился первый зимний луч.

Осень

Листья, как желтые птички,
С веток на землю спорхнули.
Туч запряженные брички
Тяжко на юг потянули.

Будто вечерние тени,
Прячется холод в ложбину.
Осень в безудержном рвении
Гонит косяк на чужбину.

Хочется, чтоб поскорее
Это безвременье пало.
Снежные вихри Борея
Ждать все в природе устало.

Ювелир

Открою двери на балконе,
Не хочет в сны лететь душа.
Облокочусь на подоконник,
Как ночь безумно хороша!

Все блики, чуть родившись, тают,
Лишь только россыпи камней
На чёрном бархате сверкают
Призывом неземных огней.

Любуюсь этой красотой –
Как безгранична бездны власть!
Ну кто придумать мог такое –
Звезду к звезде на бархат класть?

Не постигает мой рассудок,
Не может он вместить весь мир.
Приму как догму, верить буду,
Бог – есть великий Ювелир!

Журавли улетают на юг,
Вслед за ними летят холода.
Как-то сразу стремительно вдруг
Посветлели и лес, и вода.

Тишина средь березовых рощ,
Лист последний на ветке грустит,
Он, под сумрачно плачущий дождь,
Причастившись, на землю слетит.

Пеленает Землю мгла, опоясывает,
И на иглах мелких звезд все приплясывает,
Нежно шепчет на ушко: «Спи , красивая,
Ведь создал тебя Господь стать счастливою.

Вся в ожогах, ранах, ты, безответная,
Где же светлые мечты, где заветные?
Ты безумному досталась роду-племени,
Потерпи, моя родная, все до времени.»

Журавли

Журавли курлыкают прощально,
Стая – клин на юг устремлена.
Сердце окатило вдруг печалью,
Словно остаюсь совсем одна.

Словно кто-то с ними улетает,
Помахав мне крылышком-рукой.
Воздуха для сердца не хватает
От прощальной музыки такой.

Запрокинув голову, шепчу я,
Провожая взглядом милых птиц:
– Возвращайтесь, лишь тепло почуяв,
Через сотни призрачных границ.

Возвращайтесь к берегам России,
К топям, и болотам, и лугам,
Чтоб в пути вас беды не скосили,
Не сдавайтесь бурям и врагам.

... Улетели. Ну чего проше?
Только вот покой не нахожу,
По полям и чёрно – белым рощам
Целый день потерянно брожу.

Утро

Проснулось утро голубое,
Как призрак тающий, луна,
Взлетает ветер над водою
Спиралью белую со дна.

На перекате гривы вьются
Из чистых и холодных струй,
И робко птички трели льются,
Как первый нежный поцелуй.

Ложусь я спать, а сон уходит
И голова моя гудит.
В извилинах ученый бродит,
В гипофизе дурак сидит.

И меж собою спорят, спорят,
К консенсусу все не придут,
А мне встать уж надо вскоре,
Смотрю, а утро тут как тут.

Устало я махну рукою,
Произнесу я им слова:
Да дайте хоть часок покоя,
От вас болит уж голова!

“Ночной бой”

Пищит комар, зудит проклятый,
Себя устала избивать.
Кручусь на простыне помятой,
Ворчит пружинами кровать.

Да что же это, сколько можно?!
Я притаилась не дыша...
Прибить ко лбу безумно сложно
Во тьме вампира- малыша.

Бесшумно руку подним-а-а-ю...
Мне мрак все чувства обострил,
Но этот, мелюзга земная,
Опять меня перехитрил!

Ну что же, пей! В комок сжимаюсь,
Да захлебнись ты, паразит!
Лежу бездвижная, немая,
А он над ухом все гудит,

Выискивает понежнее,
На веко целится как раз...
И тут я просто сатанею
И бью себя с размаху в глаз!

Злодей убит, пускай не сразу,
Его смахнула я с брови.
Такая мелкая зараза,
А жизнь испортить норовит!

“Орел”

Эй, орел! Лети сюда!
Видишь, я стою, лети же!
Ну куда же ты, куда,
Подлетай ко мне поближе.
Видишь что в моей ладошке?
Червяка тебе нашел!
Ну посиди со мной немножко...
– Кар-р! Отстань! – сказал “орел”.

Упадет тишина благодатью на нервы,
Лишь часы, словно сердце, стучат и стучат.
За двенадцатый час зацепляется первый,
И в подсвечнике третья сгорает свеча.

Я шепчу имена, тех, кто дороги были
И уже никогда не войдут в этот дом,
Лики чьи в фотографиях бледных застыли,
Но живые во мне остаются при том.

Я иду по дорогам, заросшим травой,
Моя память, как шелест немого кино,
Вот брусничная кисть под столетней сосною,
Вот в узорах морозных родное окно.

Тишина и часы -мы вписались в пространство
Неотъемлемой частью в потоке времен.
Капля жизни с надеждой в свое постоянство
На черте ноосферы и диких племен

Все прошу, наконец, разлюблю и отплачу,
Только вот позабыть никогда не смогу.
Горечь чистой любви на других я истрачу,
Ни пред кем не оставшись в сердечном долгу.

Как засохший букет о тебе будет память.
Иногда доставать буду каждый цветок,
Чтобы миг пережить, породнившийся с нами,
Обращаясь душой на далекий восток.

Там ирисы у рек, в сопках ласковый стланник,
Там оставила все, но с собою взяла
Этот странный букет из остывших страданий,
Прах погибшей любви, что когда-то была.

Вяжу носки и в равновесье
Я привожу смятенье чувств.
В мечтах летаю в поднебесье,
Мечта – важнейший из искусств,
Отдельный жанр, где все доступно,
Сюжет закручен, ай да ну!
...Мне повезет сегодня крупно,
Коль я до пятки дотяну.

Да уж, допрыгалась!
Сердце клопочет,
Нормально работать
Сердце не хочет.
Жилка на шее
Как птичка трепещет,
Кровь по артериям
Что-то не хлещет.
Давление падает,
Тело знобит,
Только рассудок
Ещё что-то бдит.
А что уж тут думать,
Просчитывать что,
Коль деревянное
Шьётся пальто.

Ящерица

Это что за зверь такой,
Длинный хвост, четыре лапы?
Шевелится под рукой...
Нет, пойду спрошу у папы.

– Это ящерка, сын мой,
Не пугай ее, не трогай,
То отломит хвостик свой
И оставит на дороге.

Хвостик лучше потерять,
Чем попасть кому для пира...
Мы не будем проверять
И отпустим ее с миром.

Детские стихи

Я лежу щекой к подушке,
Мы читаем Маршака.
Я бы слабенькой старушке
Место дал наверняка.

Я б уколов не боялся,
Зуб лечили – я ж молчал!
Я бы с младшими не дрался,
На уроках не кричал.

Били глупые мальчишки,
Я терпел – они сильнее...
Хорошо писать вам книжки,
Какого же в жизни мне?

За окном дожди и осень.
Мы читаем Маршака.
Подрасту годков так восемь,
Сдачу дам наверняка.

Немного я с иронией смотрю,
На то, что иногда в стихе творю.
Занятием серьезным не считаю,
Кто как умеет – так и отдыхает.

САМОЙЛЕНКО

Елена

Родилась в 1956 г. в г. Междуреченске. Закончила КемТИП по профессии инженер-технолог.

В 1980 г. пришла работать в Центральную городскую библиотеку, через 2,5 года стала заведующей филиалом № 1, где проработала 25 лет

Милый дедушка, Константин Макарыч!

Пишет тебе твоя внучка Маша. Во первых строках моего письма хочу тебе порадовать, так как я теперь на хорошей работе – в публичном заведении. Все говорят, что наша профессия – древнейшая, т.к. такие публичные заведения существовали ещё в древности, чуть ли не до нашей эры.

На работе мы оказываем всевозможные услуги нашим пользователям – и старым, и молодым, и совсем юным. Пользователей бывает обычно так много, что к концу работы буквально валишься с ног. А они всё просят – ещё и ещё. Буквально не дают закрыть заведение. А некоторые за отдельную плату просят оказать им особые, нетрадиционные услуги.

А что? Мы всё выполняем. А в отдалённых филиалах нашего публичного заведения почти что пляшут перед пользователями, всё им прощают – только бы они к ним ходили. А то у них могут появиться “мёртвые души”. У меня прямо волосы дыбом поднялись, как услышала такое.

– Господи, думаю, а куда они мёртвые тела-то девают? У нас то этих пользователей – хоть палкой их гоняй.

Сегодня мы собирались на какой-то “капустник”. Капусты практически не было, но всё равно было очень весело. Ведь мы ждём новый миллениум. Ты, дедушка, не думай – это не лекарство, не проси рецепт на него, потому что новый миллениум будет у всех и очень скоро.

Всегда с приветом, твоя Маша Жукова – библиотекарь ЦБС.

Актуальное

Тишина в читальном зале,
Тишина как на границе.
В тишине повырезали
Очень нужные страницы.

Гимн библиотекарей

*На мотив “Гаудеамус”
слова Е.Самойленко*

Книг прекрасных – океан –
Ясно всем без спора.
Очень нужен капитан –
Лоцман в книжном море.

Применив свои таланты,
Он отыщет фолианты –
Лоцман в книжном море,
Лоцман в книжном море.

Свет культуры, знаний свет
Мы приносим людям,
Жажду знаний никогда
В душах не остудим.

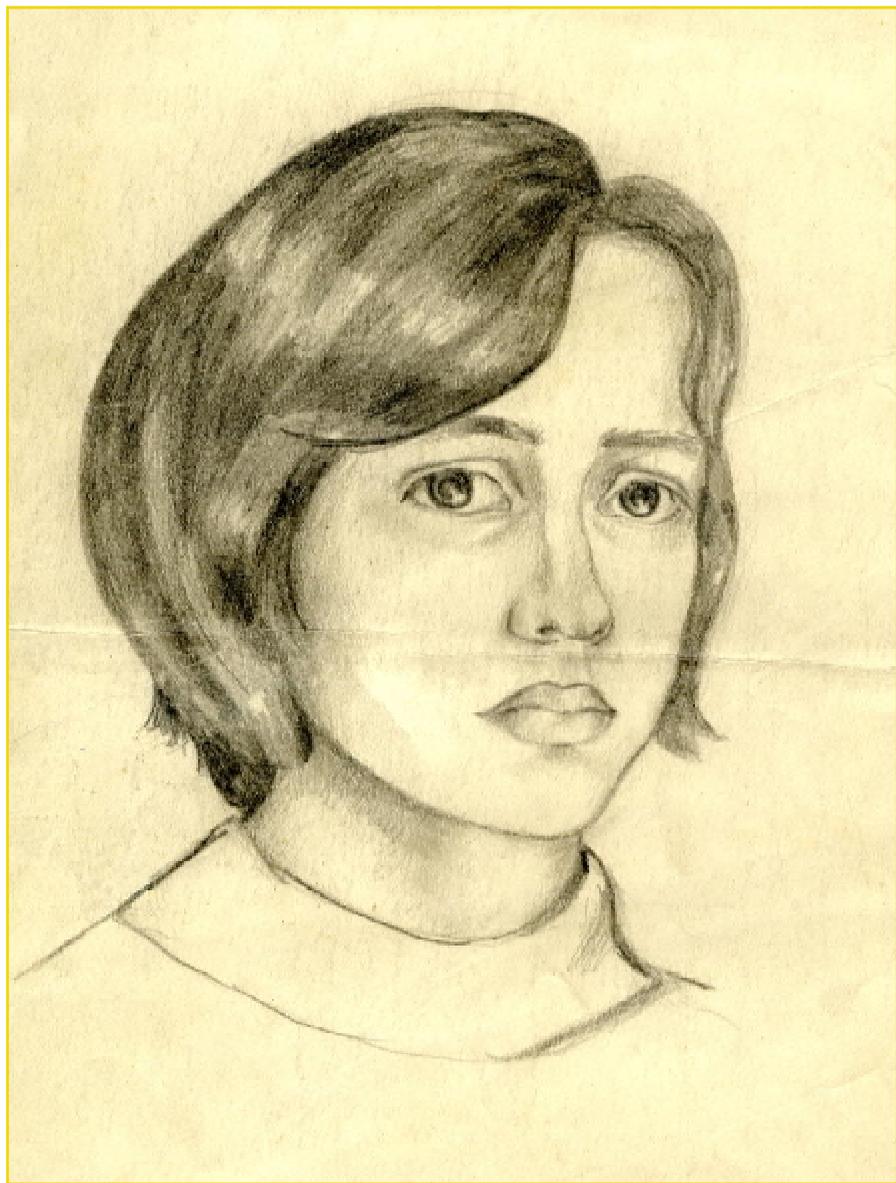
Не жалея годы жизни,
Мы служить своей Отчизне
В храмах книги будем,
В храмах книги будем.

Мир от светлых, умных книг
И добрей и лучше.
Гуманизму и любви
В храмах книги учим.

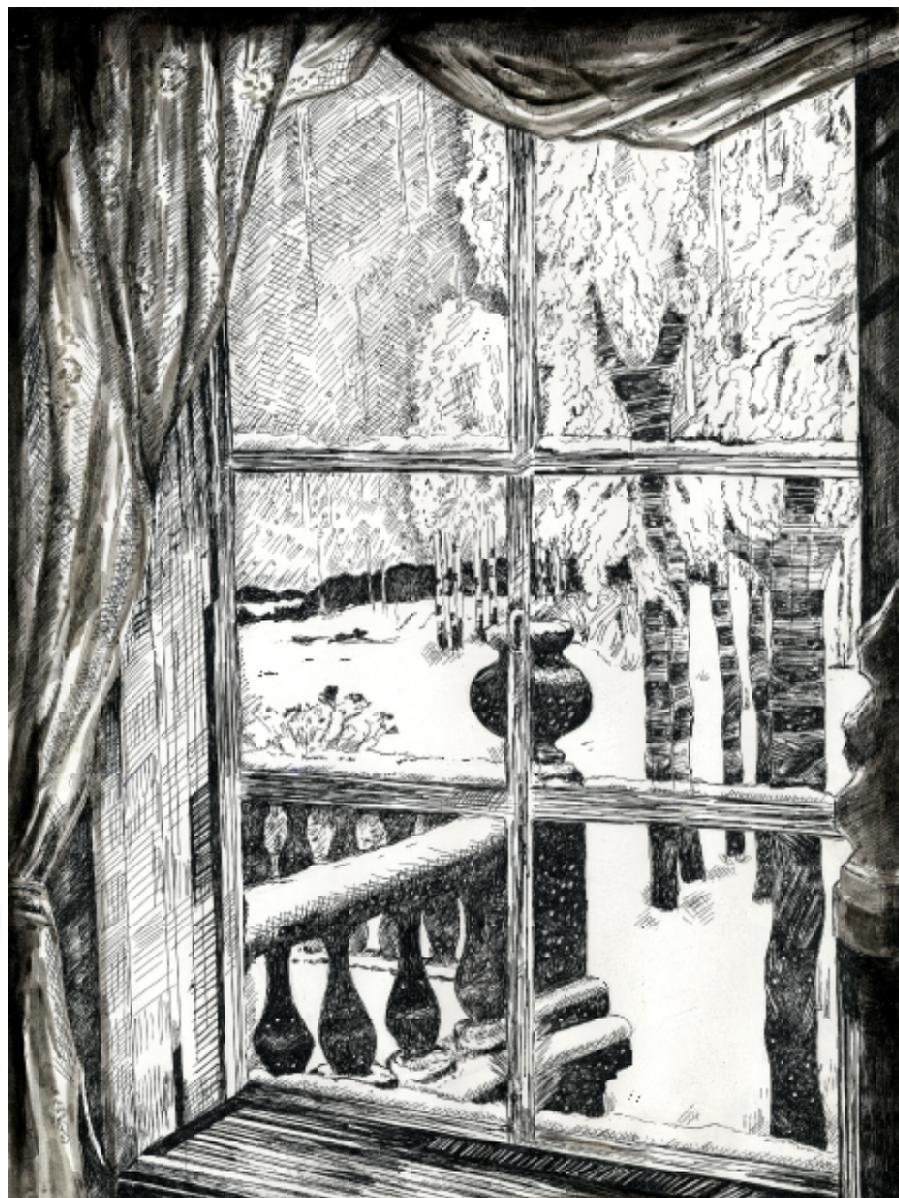
Год за годом, век за веком
Помогаем человеку
Стать добрей и лучше,
Стань добрей и лучше.

Репродукции Е. Самойленко

Автопортрет

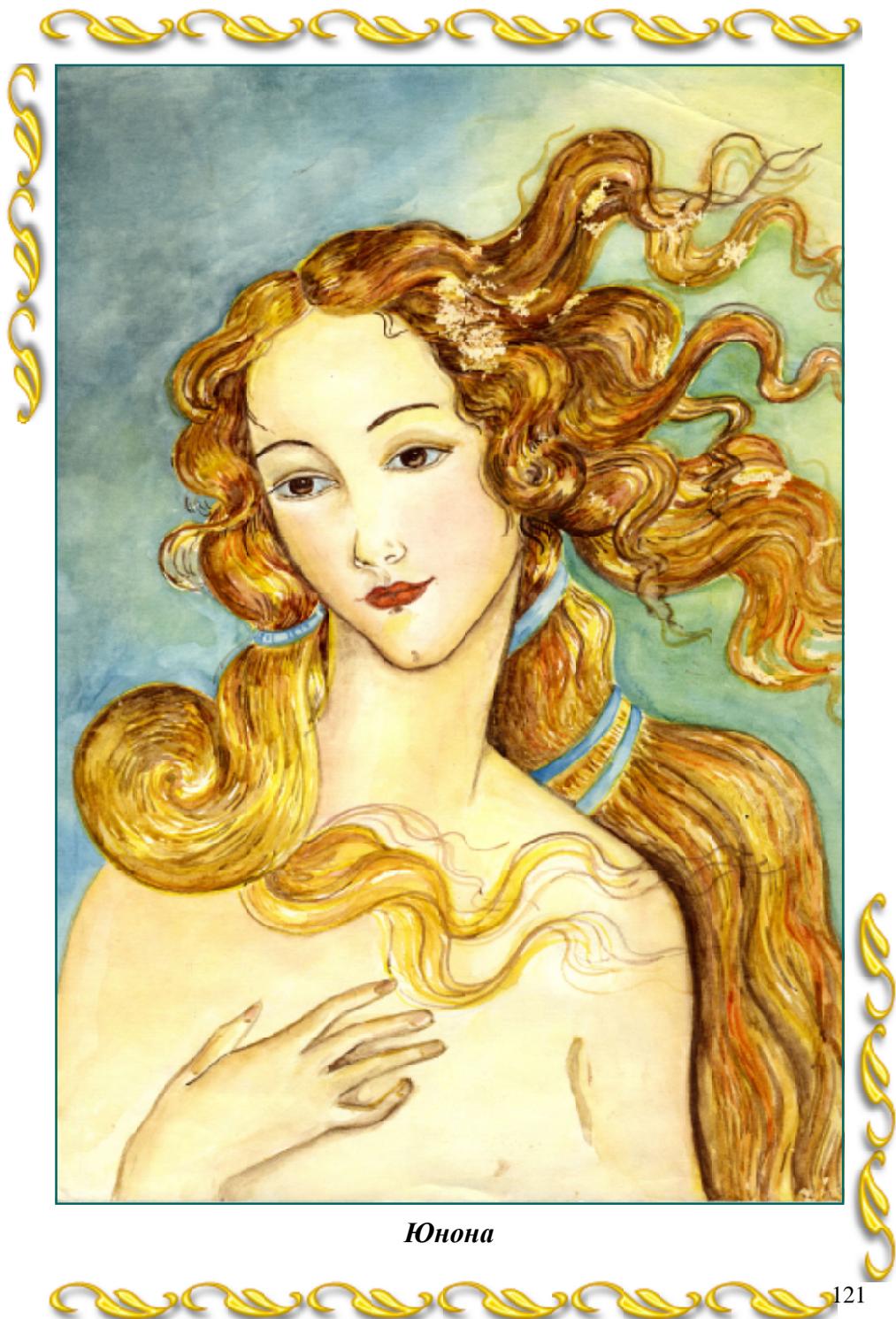
Первый снег

Японские мотивы

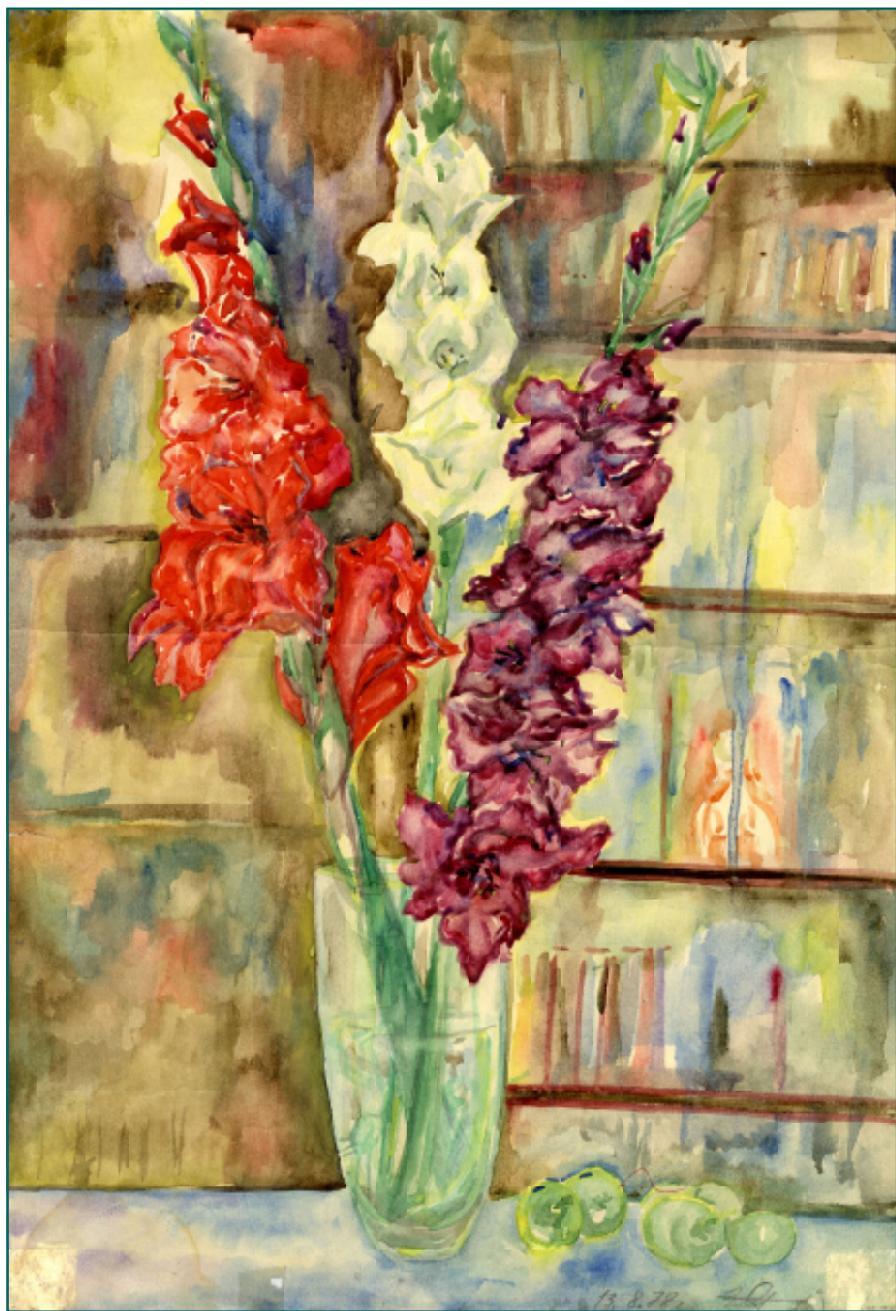
Царевна

Юнона

Подсолнухи

Гладиолусы